

ОМЕНА

№ 7 АПРЕЛЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТРАВДА», МОСКВА

Делегат XXIV съезда КПСС,
шахтер Александр КОЛЕСНИКОВ

«Рабочий класс, колхозное крестьянство, советская интеллигенция получают все более культурное, технически грамотное пополнение, способное успешно решать сложнейшие задачи, возникающие в условиях современной научно-технической революции».

Из проекта Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

Время делает выбор

Владимир ГЛОТОВ

...время выбирает своего полпреда. Комсомольская гражданская война тесно связана в нашем сознании с образом конника в островерхом шлеме — Николая Островского. Мы говорим об удальчине — и вспоминаем Алексея Стаханова. Самые полеты наших авиаторов — это Чкалов. Если нам нужно было представить космическую элиту, мы назвали Гагарина. Солдаты сорок первого года, добровольцы сибирских строев, целинники — тысячи людей отпочковались порою в одном образе.

...А я пишу сегодня о шахтерах. У них своя история и свои творцы ее. Если спросить шахтера, что представлял собою для нашей угольной промышленности последние десять — пятнадцать лет, он скажет: это это были годы, когда со сцены сошел обтобый молоток, а за ним и врубовая машина — наступило время внедрения угольных комбайнов, фантастических роторов. И если при этом спросить шахтера назвать какого-нибудь горняка — с чьим именем особо связаны эти годы, он, не мешкая, ответит: «Кто же еще!». Николай Мамай!»

Николай Яковлевич Мамай, бригадир забойщиков. Делегат трех съездов партии и депутат Верховного Совета СССР. Герой Социалистического Труда и лауреат Ленинской премии.

Время оставило нам его следы, его трудовую жизнь, для размышлений, а само властно свемит вперед. Ушел бригадир Николай Мамай руководить участком. Бригада выдвинула ему замену — бывшего звеньевго комсомольско-молодежного звена Александра Колесникова.

И то, что было сделано Мамаем и бригадой, и сам коллектив, продолжавший жить и работать, — все это легло на плечи нового бригадиром весомым наследством.

***

Мы познакомились... Я присматривался к Колесникову. Отлично сложен. Держится спокойно. Говорит неспешно и умно.

Я видел Колесникова в кабинете директора шахты. Виден на заседании парткома, наблюдая, как он, именинник знаменитого шахтера, просит согласие закупить. Видел дома, когда он помогает дочке осваивать мисы и всякие там игрешки.

Наконец, я попросил его взять меня с собою в лагу, и он принес мне «спасатель» и ту самую «шахтерскую лампу», о которой каждый человек знает еще со страниц детских книжек. Мы проехали мимо колхозника на интуитивном штыре при свете этих наших лампочек, и путь этот под землей, надо сказать, людей сблужает. Потом я пробирался между стальными стойками лаги, когда над головой было три добрых сотни метров до поверхности, высвечивая своєю огненной личью шахтеров, спотыкаясь, как ползет мышь и трагично угрюмо причудливо вылают, слухая разговоры и разговаривая со многими людьми — и в лаге и наверху. И из этих наблюдений и разговоров создавалось определенное впечатление, каково оно, бригадир Колесников... И в чью, особый смысл его как представителя времени научно-технической революции.

А смысл этот вот в чем.

Вспомним споры, мамаевское движение. Личные планы. Простой расчет: если каждый забойщик даст сверх нормы тонну — по Союзу будет большая цифра. В ту пору ставилась задача поднять прежде всего абсолютную добычу. За счет чего? За счет новой техники, которая в те годы стала появляться на шахтах. Вместо обтобых молотков и врубовых машин вводили комбайны!

А теперь... Мы сидели в кабинете директора шахты. Еще только был опубликован проект Директив съезда партии по пятилетнему плану развития народного хозяйства, и «Правда» лежала перед Колесниковым. Он карандашом замочил кружок — в нем оказалась цифра «1,4». «Повысить производительность труда в угольной промышленности», — говорилось в проекте Директив, — примерно в 1,4 раза.

— За счет чего, Александр Яковлевич! Вы, например, в своей бригаде!

Колесников оторвал лицо от газеты.

— Техника у нас есть, новый «комплекс»... Где-то ее еще, может, мало, там будут рассчитывать в основном на ее внедрение. Мы же внедряем... И каких-то новых машин, насколько я понимаю, а ближайшие годы не предвидится... Нужно искать внутренние резервы.

Да, техника у Колесникова есть. Есть комбайны. Есть механизированная крепь... Так называемый «комплекс». Как сказал коллега участка Геннадий Изварин: «У нас в лаге всего два обтобых молотка»...

Колесников с пристуевой ему серьезностью подчитал вместе с инженером-оптимизатором, как должна расти в его бригаде производительность труда. Ему нужно было доподлинно знать, какой она будет в 1975 году. Он учел трудные геологические условия. Учел, какой прирост можно еще получить за счет специальных знаний и общей грамотности. Учел бригадир и тот факт, что достигнута на шахте и «безопасность» работы — все это был для его бригады «пробороченный этап». Оставалось еще внедрение бригадного хозрасчета, эффект решения экономики.

Сидя на заседании парткома [Колесников — член его], он слушал, как шло обсуждение глобальных перспектив шахты. И для себя сделал «поправку» на строительство новых горизонтов. Принял реальные сроки перехода бригады и новую лагу. Он подумал о том, что материально-технические возможности настолько хлопот, вряд ли возможно улучшить. Но зато большие надбавки Колесников возлагал на «поисковые группы» — эти творческие коллективы появились на шахте примерно год назад. Резервы производительности, обнаруженные им, выписаны в 107 продоложений. Сто три из них Колесников это знал — уже были внедрены. Экономический эффект в общей сложности составил 320 тысяч рублей.

«Поисковые группы», — подумал Колесников, — это реально. Это будет работать...»

Вот так, размышляя надвремя или приближаясь к логарифмической линейке в компании с инженером-перспективистом своей бригады, Колесников получил среднюю производительность труда «своего работника» — производительность

ность на новую пятилетку. Вышло: каждому надо давать 360 тонн в месяц. Экономист напомнил ему: «В прошлой пятилетке, Александр Яковлевич, у нас было 349,9 тонны». Значит, придется процентов прироста. Больше, чем в Директивах.

***

О мажоре «резерва», который учитывал в своих расчетах бригады Колесников, можно говорить особо. И это было бы для всех нас непозволительно экономическим грехом. Но я не ставлю перед собой задачу учить на примере Колесникова в смысле о своем бригадире. И если уделить столько внимания хозяйственной стороне вопроса, а не рассказывать читателю увлекательные и порою драматические, полные приключений и героики истории из жизни шахтеров, то вовсе не потому, что их нет в сегодняшних днях Александра Колесникова.

Дело в том, что смысл вымышленной жизни Колесникова не в драматизме его рабочих будней, хотя жена его, Валентина Михайловна, как всякая жена шахтера, с трепетом ждет возвращения мужа со смены. И не рекорды, которые было на счету у бригадира и бригады немало и еще, я думаю, будут, определяют сегодня жизнь этих людей.

Что же определяет?

Деловой и трезвый расчет в работе. Учет массы мелочей. Постоянный поиск резервов. Вот что типично для Колесникова. Как сказал мне главный инженер шахты: «Сейчас мое время. Не пишу бы больше угля лобовой ценой! А дешаво, за счет роста производительности труда».

Так вот о резервах... Резервов много. Но реализуют их люди. И ту же технику — которая где-то еще пока порою «резерва», а в бригаде Колесникова уже реальная машина, изурнавшая и испытанная, — ту же технику можно заставить работать в четверть силы, вполсилы, а можно взять от нее все, на что способна.

Все зависит от людей. От их знаний, умения, добросовестности, экономической заинтересованности.

Я пишу об Александре Колесникове и вполне сознаю, что от этого человека — бригадира — зависит успех дела. Экономист сегодня не сбросит со счета человеческого фактора. Это главный резерв.

То есть, если поставить вопрос прямо, он прозвучит так: какого типа человек способен сделать реальность вот на этом маленьком клочке огромного фронта индустрии, в шахтерской бригаде, те перспектив, которые начертаны съездами!

***

Научу с того, что этот человек должен быть с современной техникой на шаг.

Один жест заставляет кланяться технике: куда, мол, без нее! Колесников как шахтер был воспитан не на отбойном молотке — он вырос среди машин. Как будто судьбе было известно, что придет время, а шахтерской бригаде нужен будет именно такой человек.

В семидесятый лет Колесникова привели на одну из шахт Краснодона, заманя отада, но вернувшегося с фронта. За ним шахтерами стали три брата. Пришли на ту же шахту, в ту же лаву. Еще свежа была боль, вызванная гибелью молодого героя. Еще ходили братья вчетвером собирать колоски в поле и жевать их молча. Еще вспоминали досаду поезда. Но уже тогда, в те последние годы, врубашник Семен Терентьевич Рубан учил Колесникова своему делу. И когда однажды заболел его помощник, риснул поставить парня рядом с собой.

Все основные вехи, связанные с внедрением техники в горном деле, — это линия судьбы Александра Колесникова. В пятидесятые годы он внедрил комбайн на шахте «За Северная», где были в ту пору одни «колотковые» бригады.

Появился знаменитый «узюзухавничью» — Колесникову сказали: «Давай, Александр!» В начале шестидесятых годов Николай Мамай перешел на шахту «Судодольскую» — Колесникова направили в его бригаду: «Нужно помочь. Ты владеешь техникой».

Я перелистал страницы шахтерской многотиражки. Редкий номер не сообщал об успехах бригады Мамаю, а всеобщие рекорды. И хотя с бригады не смотрели на меня лица Александра Колесникова, я представлял, какую колоссальную роль сыграл этот человек, машинист комбайна, а потом заведующий комсомольского звена, а затем, которая спустя годы была названа «Мамаяевским университетами».

И вот теперь, в семидесятые годы, он бригадир. Последний барьер, преодоленный им в царстве машин, — универсальный «комплекс». Сложная, как говорят вдавине виды шахтеры, вещь. «Комплекс» болится, пророчили: «В наших условиях не победит!» Колесников рассказывал мне, как контролировал в лаве эту машину, как начали ее осваивать: «Рассчитана она не больше чем на 15 градусов падения, а у нас — двадцать пять. А боковые породы слабые, кровля рухнет. Завали! Пять месяцев мучились. Нам говорят: «Лавы механизировать! Где отада!» А у нас не падает». Но к концу году, конечно, выбрались на рубеж тысяч тонн.

Очень трудно получить вечернее образование. Просто физически трудно, даже если не добавлять «субъинтеллектуальных» причин, связанных с семьей, с личной жизнью.

Колесников, конечно, не единственный, кто сумел найти в себе силы и все-таки получить техническое образование, не бросая лаву, говарившей, не требуя для себя особых условий, — не единственный, повторно, но от этого мое уважение к нему не уменьшится. Теперь он техник. И в бригаде у него много техников. И это не «рестарта образованья», а в данном случае требовали время, по мере технического прогресса.

Когда я думаю, какой бесспорный козырь есть в новом пятилетки у Александра Колесникова, как у бригадира, козырь, который позволит ему выйти со своим маленьким «новым подразделением» победителем, я прихожу к выводу, что это — владение машиной. И в этом смысле Колесников — современник своего технического века.

***

Но у него, у Александра Колесникова, не один лишь механизм в руках — всемудрый дух под началом. Четыре сменя, четыре звена. Ремонтники. Контактеры «внешних» для бригады миром.

Незбежно потеряет неудачу в наше время тот, кто не прмлет во внима-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 7 [1053]
АПРЕЛЬ
1971

НАША ОБЛОЖКА:
ДЕЛЕГАТ
XXIV СЪЕЗДА КПСС
ШАХТЕР
АЛЕКСАНДР КОЛЕСНИКОВ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

2
ПЕРВОПРОХОДЦЫ.
ПОИСК ГЕОФИЗИКОВ
ПРЕИМУЩАЕТ БОГАТСТВА
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

10

10-ЛЕТИЕ
ВЕЛИКОГО ПОДВИГА.

18

ПРАВО НА ПРЫЖОК.
ОТВЕРЖОК
ИЗ КИНОСЦЕНАРИЯ
ВАЛЕРИЯ БРУМЕЛЯ
И АЛЕКСАНДРА ЛАПШИНА.

28

ЦВЕТOK РУКОТВОРНЫЙ.
ПИСАТЕЛЬ
ВИКТОР АСТАФЬЕВ
О ВОЛОГОДСКОМ УМЬЕЛЬЦЕ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

НАСТАВНИК. СТАРЫЙ КОММУНИСТ
И НУН И НАСЛЕДНИК ЕГО ДЕЛА И ЕГО ИДЕИ

ГОД ВО ЛЬДАХ.
ХРОНИКА КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЙ
СТАНЦИИ «СП-19»

БЫЛЬ И СКАЗКА БАЛЕТА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ: В. С. Абашии, Г. П. Еписеев, К. Н. Замощин,
А. П. Иришов, А. А. Лысков (ответственный секретарь), В. В. Луцкий
(заместитель главного редактора), Р. И. Рождественский, Е. И. Рубин-
ков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник),
В. Е. Томашкевич

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

ние: управлять людьми не менее трудно, чем штурмовой машиной. В этом смысле Колесников обладает «залпасом прочности».

За что его любят?

Я попробовал из многих разных слов составить некий критерий уважения. Кто-то, например, вспомнил, что Колесников однажды встал из-за стола в день рождения жены и ушел в связи с какой-то необходимостью в шахту... Один шахтер самым достойным его качеством считал принципиальность. Кто-то выразился: «Обязан на лицах». Смысл — обязанная заботливец — так он говорил на профсоюзной конференции о благоустраиваемых поселках! Будь здоров, рубля слепач!» Комсом же участия, сам реинтоник, ценя в Колесникове иное — интерес к реинтоникам: «Понимаете, когда мы выходим из шахты, садим смену, он первым делом не забывает спрашивать: «Как там у вас? Сколько нарубичей? — а нас, реинтоников. Он к нам серьезно относится. Понимает, от чего успех зависит...» Другие люди не могли, например, вспомнить случая, чтобы Колесников пошел вместе себя в опасное место другого: «Пошел сам... У нас однажды завалился несколько стоек. Кто первый пошел устранять авария? Саша. Люди называли среди достойных качеств бригадира его неизменное спокойствие. «За выдержку его уважают», — говорили мне, — не всплывет, не крикнет...» Иные ценили: «Он к шутке привлеклив». Колесников действительно хороший рассказчик. Не даст в худую минуту упасть духом...

Из отрывочных суждений, из пространных рассказов о совместной с Колесниковым шахтерской жизни, из собственных наблюдений, из бесед с директором шахты и парторгом, из тех порой неочевидных источников, которые приходят на помощь журналисту в яде так называемой интуиции, в вынес чувствосмыслию к Колесникову. Не только, понимаю, я должен выдвигать хотя бы два-три главных качества этого человека, которые ему как руководителю коллектива были бы сегодня, как никогда, необходимыми.

Что же, во-первых? Пожалуй, то, что Колесников — отменный психолог. Конечно, спроси его в или кто из его приятелей прямо: так ли, мол, это, — он немало бы удивился.

Книжеч по анализам личности Александр Яковлевич, думаю, не читал. И специального курса не слушал. Но жизненная школа так повернула свое обучение, что во всем он первоначально понимает людей.

Колесников обронула мне свои звеньевые: «Вот, сажает, Сизов Анатолий. Ох, горяч, вспылчив! Любит, чтобы все у него горело! В нарядную заходит, глаз сразу на доску с фланжками чье звено вперед! Я его как бы удерживаю: «Ты не увлекайся одной добычей. А реинтон! А другие звенья работу обеспечишь...» А вот, сажает, Николай Горюнский. Этот другой. Строгий пареня. Любит смену принять, чтобы все у него было отлично. Чуть что, шумит. Горючки, как у Сизова, нет, но напористый... Однако надежен, помалуй, Анатолий Разумный со своим молодежным звеном. И Иван Яковлевич Давыдов, спокойный, исполнительный...»

Что еще, кроме знания психологии, в арсенале Колесникова! «Совет бригады».

Разумеется, когда я говорю: «В арсенале Колесникова...» — речь не идет о том, что появилось в бригаде своего коллективного рабочего органа персональная заслуга одного человека. Не Колесников, конечно, совет «вдумался» — это творчество масс. Это люди нашли органичную для них форму проявления демократии на производстве и участвуют в управлении им.

Забойщик Виктор Жученко говорил мне, что из «совет», в котором, кроме бригадира и звеньевых, еще несколько самых авторитетных рабочих, сам решает, как работать бригаде. Реально ли план! Что нужно, чтобы его выполнить? «Все до мелочей», — говорит Жученко, — обсуждаем у себя, по-семейному. Что поделалось, какой достигатель... Где рудостого пошел, где набель замкнули шнек на комбайне... Кому как. Для нас это жизнь. И от того, как мы сами распорядимся — то ли проспим, понадеямся, то ли позаботимся, похлопочем, — зависит наша судьба. Не все, конечно, в наших руках. Но когда надо, совет вынесет решение: «Обратиться к администрации...» А наша внутренняя жизнь! Взаимоотношения! Даже поведение людей вне производства. Мало ли! Если совет постановит: «Убрать из бригады!» — администрация уберет, будьте уверены.

Не за меня решают — кто-то, мол, самше, — как мне жить в коллективе и как работать — я сам решаю. Вот простая мудрость этого дела. Как же Колесникову не воспользоваться могучим инструментом самостоятельности масс!

И, наконец, еще один важный штрих к портрету бригадира современного толка.

Шахтер в бригаде Колесникова — это наш рабочий, воспитанный в духе наших моральных принципов. Он читает наши книги. Смотрит наши фильмы. Он выражен всем образом нашей жизни. А это значит, что ему будет по-настоящему присуще дух социалистического соревнования, и небезразлично к делу, и искреннее уважение к трудовой сладе товарища, и творчество не ради вознаграждения, а «по духу», — словом, все то, что очерчивается понятием «моральная сторона труда». И тут резервы производительности, право, трудно обозначить какими-то мерами измерения и определить их значения.

Колесников, по его словам, просто «чувствует» своих ребят. И я понимаю, почему несколько лет назад именно колесниковское комсомольско-молодежное звено поехало домой к Елене Николаевне Кошовой и попросило: «Позвольте нам считать Олега в своей смене...» И в лаве стало одним забойщиком больше.

***

Я начал с того, что каждое время выбирает своего полпреда, словно заботится о том, чтобы потомки полнее представили по его портрету облик эпохи.

Конечно, каждый человек так или иначе несет в себе черты своего времени. Но мы часто говорим: вот этот «современник», а вот тот «отстал». А кто-то в недрах сегодняшнего дня уже предвосхищает завтрашний.

Кто же для шахтеров Колесников!

Колесников для них, как они выразились: «То, что нынче надо. И что будет надо достаточно долго...»

Что добавить к этому? Шахтеры выразили свое отношение к Колесникову вполне определенным образом — они избрали его своим делегатом на XIV съезд КПСС. И тем самым сказали: вот человек, отвечающий нашим понятиям о современном рабочем-коммунисте, вот кто должен сегодня представлять наше шахтерское племя.

«Создать в Западной Сибири крупнейшую в стране базу нефтяной промышленности»; добычи в 1975 году добычу нефти не менее, чем до 120—125 млн. тонн...»

Из проекта Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

Леонид ПЛЕШАКОВ
Сергей ПЕТРУНИН (фото)

ЗАСНЕЖЕННАЯ «СМЕНА» НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ

ПЕРВООПРОХОДЦЫ

Когда впереди по черному небу неожиданно полыхнул свет, выходящий из тьмы, явление из тьмы чужое, редкое, лесом болотистой тайги, Саша Сень, шофер нашего вездехода, сказал:

— Через полчаса будем на месте. Не больше десяти километров осталось...

Я-то, честно говоря, был уверен, что Саша давно сбился с пути и мисит гусеницами снежный след автомобильных протекторов только в надежде найти наконец потерянную дорогу, а может, чтоб отплатить неприятную минуту признания своей оплошности.

А он, видите ли, держал верный курс, вовсе не блуждал.

Я, конечно, мог бы о том догадаться и раньше. Собственно, как ему заблудиться, если дороге, по которой мы ехали, единственная в тайге и Сень не первый раз в эту зиму гонял по ней между Новоанганской и лагерем сейсмоотряда. Он знал тут наперечет все «живуны» и не замерзшие под снегом ручьи, которые проскакивал то на быстром ходу, то крадучи, переползал, чтоб не засесть и не мяться после, вызволяя машину из зацепших, коварных даже зимой, хлябей.

Конечно, он отлично знал дорогу. Но и меня понять можно. Шесть часов подряд наш вездеход, надсадно рыча и припав к носу на корпус, мчался по односторонним до слуху, высветленным фарми лесным просекам. И мы, четверо полутучков, чудом втиснувшись в маленькую кабину, шесть часов не видели ничего, кроме белой ленты дороги с рифленым автомобильным следом, белых бездонных сугробов по обочине да бела, с головой утонувших в снегу деревьев. Лишь однажды Сень остановил машину и дал нам размяться. Мы спрыгнули на дорогу. Но кругом был все тот же снег. И только над головами дрожало темное морозное небо с четкой россыпью созвездий.

Ни дать ни взять — астрономический атлас.

А дальше снова была дорога, рыв мотора, монотонная, отупляющая кечка, теснота и бесконечная просека. Потеряно представление о времени. В голову лезет черт знает что. А Сень вдруг говорит:

— Ну вот и приехали: лагерь. «Лагерь» — слишком сильно сказано. Сень вагончиков на широких стальных полозьях стали полурюгом у самой опушки тайги. А перед ними набились до утра черные угловатые тракторы. Стучит движок. Около тракторов колдует электросварщик. Иной раз так полыхнет, что видно: за спинами вагончиков сразу метронуемый снег. Тага.

Юрий Викторович Филиппов, начальник отряда, зовет в вагончик сейсместанции.

— У меня сейчас связь с Новоанганском, — объявляет. — Нужно передать сегодняшнюю сводку.

И через пару минут кричит кому-то через сержанта и пика збирал:

— Отстреляли двадцать ямок. Мало! Много!... Выйдем на болота, при-

тормозим! Спешивость неважная. Поэтому все собравшиеся в тесном вагончике помалкивают и зверски чадят табаком.

Филиппов тянет руку к лентам с тонкими линиями записей сейсмосигналов и, догоревый, комментирует, сдавая для верности предложения:

— Сигналы четкие, сигналы четкие. Подъем прослеживается хорошо, прослеживается хорошо...

Потом откуда-то приходит еще один мужской голос. Он, видно, находится поближе новоанганского, потому что слышно лучше, и Филиппов уже спохватывается, без нужды говорит:

— Виктор, Виктор. Как у вас с просекой как с посекой! Какой запас!

Река и та давно уже забурчалась в собственных протоках и старицах, забочечных низинах и безмятных озерах. А люди должны расчертить этот мудреный лабиринт сеткой прямых профилей даже там, где перед непролазными снегами отступает техника.

Вертолет — верный друг и надежная связь с «большой землей». Особенно когда нужна экстренная помощь.

Сейсмолога расскажет, что творится в недрах земли.

Зимний день в этих широтах короток. Бурить приходится и затемно.

Неизвестно откуда пришедший Виктор называет квадраты, где лесорубы будут работать завтра. Юрий Викторович чем-то недоволен.

— Послушай, Ковалев, — говорит он. Более официально отделенному от нас километрами ночной тайги Виктору. — Это через неделю мы тебя догоним...

— Догонишь, — принимает упрям Виктор. — Но ты ведь знаешь, у нас трактор утонул...

— Знаю... Я тебе трактор дам...
— И снег глубокий, — опять оправдывается Виктор. — Очень трудно вести просеку. Идти тяжело, идти тяжело...

— У меня тоже снег, — не то соглашается с доводом, не то отвергает его Филиппов. И потом непонятно кому — себе или невидимому Виктору — с сожалением говорит: — Догоним через неделю. Маловат запас.

— Что будем делать, Соболевич? — обращается Филиппов после сеанса радиосвязи к русому здоровому лет тридцати пяти. Механика отряда Семён Семёнович Логинов все и в глаза и за глаза по-прежнему называют Соболев Соболевичем. — Что предложишь, Владимир Алексеевич?

Это уже вопрос к Шлагину, главному взрывнику, самому старшему по возрасту и тюменскому нефтяному стажу человеку в отряде.

Ведеход из Новогаганска. Зна-
чит, в ограде свежие продук-
ты, газеты, новости.

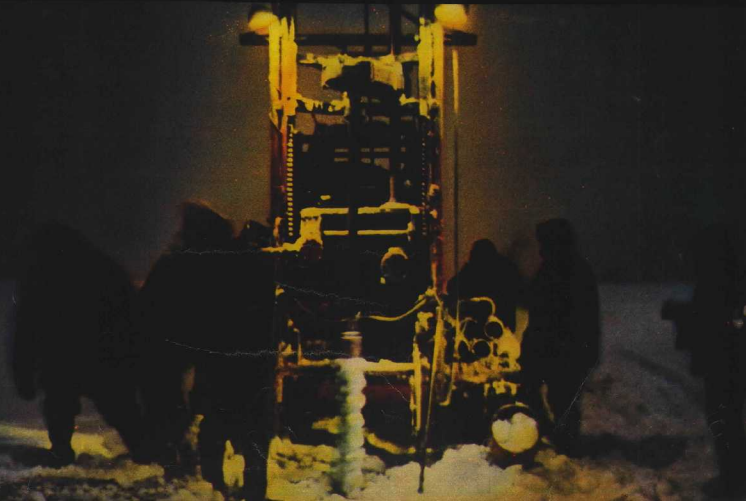
Полмочь близится...

— Да что думать: дело и так яс-
ное,— отвечают оба.— Только вот
как бы другие не обскакали.

— Не обскажут. Еще никто не на-
чал отстрела. А Ковалеву без нашей
помощи не справиться. Если мы ему
людьми не поможем, он нас все
равно сдерживать будет, фронта ра-
боты не даст...

На том и порешили: в ближайше
день-два сейсмоотряд пошлет и Ко-
валеву бригаду рубщиков.

Огромное хозяйство, которое обо-
зательно зовут «Кюмюнской нефтью»,
включает массу различных служб,
контор, организаций. Этот конгломе-
рат связывает воедино не только бес-
численные административно-хозяйст-
венные нити, со своеобразным уч-
режденческим табелем о рангах и чет-
кой системой руководства и под-
чинения. Самая крепкая и самая глав-
ная их связь — это их общая цель:
поиск и добыча нефти. Работа всех
этих служб взаимозависима, что,
если разбираться по большому счету,
в определенной степени уравнивает
значимость труда каждого отдельного
звена. И все-таки в этом огромном

взаимосвязанном и взаимозависимом хозяйстве есть свои сынки и папынки, свои постоянные и миниминки и свои же родинки. Какое же дело? Тут трудно обвинять кого-то в пристрастности. Человеческая необъективность чаще всего основана на предвзятых оценках и впечатлениях. Переход нефти получают буровинищеразведчики. Им по заслугам и первая слава. И как-то уже само собой получается, что все остальное, что так или иначе приходится учить в этой области, отходит на второй план, и без них трудно не видеть удачи и бумажки. Геофизики чаще всего оказываются средним звеном, кого славят во вторую очередь.

В отряд Юрия Викторовича Филиппова мы добрались сложным путем. Если бы можно было сопоставить с той административной лесенкой, что ведет к отряду от Министерства геологии, то наши передвижения в пути к ступням этой лесенки совпали бы. Главными ступнями в восхождении — отряд, Леменов — Ханты-Мансийск — Сургут — Новогаганск — лагерь.

Новогаганск лежит от Сургута километрах в двухстах к северо-востоку и пока что не нанесен ни на одну географическую карту. Ему всего лишь 15 лет. И никто, кроме геологов, не знает, справит ли когда-нибудь этот поселок с тремя десятками домов, школой, клубом, магазином, столовой своей десятилетия. Иначе говоря, впереди все его тысячное население поднимется и двинет в иные места в поисках нефти, а все эти одно- и двухэтажные домики из золотого по количеству деревьев и фруктов опустеют, потонут в горах под студеным сибирским небом и будут стоять на высоком берегу Агены молчаливо, напоминая человеческую неудачу.

Что знает? Время покажет. Все зависит от результатов работ, которые будут получены в ближайшие годы, что, обосновались в Новогаганске.

Однажды наш известный геолог академик Владимир Степанович Соболев с гордостью за свою профессию сказал мне:

— Там, где прошел геолог, возникает город, поселок...

— При условии, если найдено полезное ископаемое... — добавил я.

— Конечно, — согласился академик. Оказалось, что поселок может возникнуть и до открытия ископаемых. Но вот срок его жизни определен все-таки удачностью геологов.

Из всех геологических профессий работа сейсмологов наименее результативна. Я являю в виду чистоту материализованный результат труда сейсмологов был известен только мне: перед собой карту сейсморазведки, поэтому могу выбрать структуру, где с большей степенью вероятности можно ожидать нефть. Специалисты исследуют и оконтуривают месторождения, когда уже получены первые дебиты, и их задача не столько выявить месторождения, сколько уже найденное, сколько они выделяют ее запасы. Так что и первые и вторые на самом заранее могут быть уверены в успехе своего познания.

Сейсмологи в основном занимаются в целях гораздо меньших. Потому что они ищут нефть, потому что они приходят в район работ, когда карта недр уже составлена, и где все ясно, где мы только еще предстоит нанести первые ознакомительные знаки. Поэтому и задача у них совсем иная, у геофизиков, которые ищут нефть, у геологов, которые могут стать ловушками для нефти. Они собирают информацию о том, что творится на глубине. Они не могут полагаться на свои органы чувств, осторожности, зато никто не опровергнет у них значение первооткрытия в местах, где позже месторождения были найдены.

...Отряд Филиппова вышел из Новогаганска в середине ноября, но работа шла только во второй декаду декабря. Шелетская нефтяная зона даже Сибири задает загадку. Вместо обычных, крутых с осадки заморозков зима выдалась со снегом. Большая часть участка покрыта льдом, что по зиме температура и урона градусов на 20—30 ниже нуля, проморозит озеро и болото, что явились с севера над Средней Обью, было уже непростое. Тонкий лед не держал тяжелые тракторы, и они уходили в трясину вместе с кабинками.

И отряд ждал и надеялся, что, может быть, в 1949-м году, завезут ядрую толщину градусов под 60, и тогда деле полагается. Правда, в шестидесяте девятых от диних морозов «летела техника и сорвала так вывозила в бочках, что ее можно было накладывать лопотой. От бесконечных прогрева двигателя люди стали черными, как черны, и казалось, что теперь никогда не отпарит являющаяся в тело колды. И еще казалось, что не будет конца лютым морозам.

А вот теперь они мечтали о канидах. Но больше мечтали о том, что не приходится. И отряд начал работу...

Первыми на просеки, вырубленные бригадой Ковалева, вышли буровинищера. Они бурили скважины, и в результате, на дно которых взрывчаткой укладывали взрывчатку. Следом бригада сейсмологов разматывала сейсмоленту — чистая толстая, сплывающая на десятках проводов жгут. От косяка через равные промежутки отключили проводки к ста двадцати приемникам. Их нужно было заглубить так, чтобы был хороший контакт с грунтом. От этого зависело качество сигнала взрывной волны, которая, уходя в толщу земли, вновь вернется ее по толщине, отражаясь от землицы на глубине пластов. После сигналы, записанные на ленте, расскажут о глубине залегания различных пластов и следовательно состав по ним специальные карты земных недр. А другие специалисты расшифруют их и посоветуют поисковикам точные, где наиболее вероятна нефть.

Но все это будет позже. А пока люди из отряда Филиппова бурили, взрывали, разматывали косяку, заглубляли приемники и старались, чтобы сигналы сейсмологического получения четкими. Они остерегались один профиль и передавались за десять километров к следующей просеке. Каждые три дня они меняли базу своего лагеря, уходив все дальше на север от Новогаганска, и некогда белое лето, что означало незавершенные работы этого сезона, принимавшаяся лесой Шарабатовых отрядом профилей.

Отстрелили — продвинулись, отстрелили — продвинулись. В нашей работе все очень просто, — объяснял один из ребят. Вот если бы технику давали нам не особенно битую да морозы бы не подавали — тогда и вовсе жизнь была. А так случается, что везет по самым ушам. С этой битой техникой и капризными морозами к весне они должны отработать 800 километров профиля, а двадцатого апреля, в самый веселый и радостный день сезона, симуляция с последнего бивака и всем отрядом пойдут домой, в Новогаганск.

Этот день будет для них самым радостным, потому что они знают, что за спиной останется трудный путь, равный расстоянию от Москвы до Кимава. Дело не в этом. Большинство из отряда Филиппова, а также по профилям уже не первый сезон. У них отстрелянного километража хватало бы от Москвы до самого Владивостока. Так что к расстоянию тут надо привыкнуть.

Дело в другом. Мы любим поговорить о романтике некоего труда, порой подразумевая, что романтике под силу сие-

сти с пути любые трудности. Может быть, мы даже не переоцениваем возможности романтики, а просто не знаем, что такое романтика. Романтика и трудности — вещи, друг друга взаимно исключющие. Только вот беда: на деле они могут отлично сосуществовать, когда все-таки возникает вопрос кто кого?, первой отступает романтика. Трудности остаются.

В отряде Филиппова семь вагончиков и сорок два человека. Как мы пытались мы с Юрием Викторовичем делить имеющуюся в наличии повозку поладать на четыре человека. Но так как получалось одно и то же: на квадратные метры, которые по санитарным нормам положены одному москвичу, нужно было втиснуть четырех человек. И еще морозную «бурную», и везли для толпой зимней рыбы, и везли дров, что подталкивали ночью промораживающую лед, и много другое, что может потребоваться человеку, ушедшему в поле на четыре с лишним месяца.

Есть трудности и трудности. Есть трудности и радости. Если в дороге мороз стоит всего двадцать градусов, то тут уж холода не нагоншиш. Если под снегом свежий троп прет и не дает болоту застрять в «железную корону», тут же везай, тракторист, только от твоего опыта и быстроты реакции зависит твоя жизнь, когда машина начнет грузить в «железную». И тогда север не держит машину, а прорыль идет по льду, то косяку приходится тащить на себе.

От этих трудностей, и сожалению, но что бы ни случилось, надо работать.

Но что мешать наладить выпуск сборных щитовых домов, легких в транспортировке, простых и быстрых в сборке и разборке, удобных для жизни и отдыха после напряженной работы? Нужны вовсе не какие-то царские хоромы. Нужно нормальное жилье. Достаточно даже того, которое время от времени демонстрируют на выставках или какое расхваливают в статьях работники протективных и исследовательских институтов, но в виде обычных образцов — кофетка, которой дразнят голодного ребенка. И пока существующие на вагоне или в головах конструкторов домики не придут в отряды геологов, будут в самодельных и заводского производства (но одинаково неудобных) балках черны тесота и неуют, которые, в свою очередь, рождает мысль и не бросить ли шаг и черту и не захватить куда подальше? Тропы первооткрытия и без того трудны, чтобы усложнить их еще и непроходимостью бытия.

Уро не началось с рева тракторов. Они деловито прогаражи настившие за ночь внутренности, а потом гуском потонулись в тайгу. Свет их фар освещал только узкий путь. Вот если сам, и можно было понять, что их дорога идет по кожанку, а может, по упрямому в снегу пилу. Отпустились и обследовали лагерь с помощью зрительной трубы. И только сгоразнозначных слов никак не могла поделить около столбов остатки завтрака. Потом стало светать. А к одному из отрядов, куда мы выехали. Вместе с ним с противоположной опушки тайги выпорхнула стайка белоснежных куропаток. Они неслись черными пятнами над землей, и казалось, что через мгновение врежутся в домишки. Перед самым балками птицы отвернули в сторону. Мы вышли из домишек, и только тогда они привалились к земле. Но мы не ожидали встретить людей. Они еще больше удивятся, когда завтра вместе лагеря останутся только уполоненные.

Отряд Филиппова подвигается дальше. К весне ему предстоит отмахать вон еще сколько километров. Нужно спешить...

Римма КАЗАНОВА

У моря, у долгого мола протынутые гуды судов. И звуком и влагой слою следы всех неправых людей.

Войду в неподвижную воду, замру над пластом глубины, за мгн позабуду его-то, нем гуды так горячо плыли.

Спрошу у любви, у искусства, ономым морем дитва, чему так блаженно и пусто раскрыта навстречу душа.

И пальцы раненой дитва и пальцы раненой дитва, одетая в слово «Одесса», надежда задышит в плечо.

Владимир ЦЫБИН

Хотя ты и не сеть, душа моя живая, в себя, как будто в степь, улавливая себя, а улавливая себя, постичь хотела, запомнить, что ты, моя душа, могла меня заполнить.

В простой мой судьбе удаля ест предвещания: как в зеркала — в себя юную я отраженный. От прожитых разлуки, от встреч, где все иначе, от предвещаний муч, от прожитых удач, от прожитых потер, от отречения — темь я...

Неутоя в теперя всего лишь отражение тех дней, что на распыл пустыни в дорогах трусских твоих, кого люблю я себя.

Жил громко, напролом, и только в сердце твоем пахнет остудой siano, как в зерале — в былом. Ни холодно, ни больно. И только в сердце твоем пахнет остудой siano, как в зерале — в былом.

Стать вдруг собой, узнать себя
чужими чуткими губами,
чужими горькими глазами,
своё бесстрашно ослепла.

Стать вдруг собой — в твоих
руках,
дарящих жизнь, дающих имя,
знать, что обмануть, что отнимут
непоминание и страх.

Стать вдруг собой, дрожа, дыша
бездонностью высокогорной,
благословенна душою годовой
незавершенности чертёжа.

Стать — вдруг собой — как тобой,
той пухлой прелестью, как артефакте,
как причащён, как прощён
за то, что был проигран бой.

Проигран бой с чужой судьбой,
чей приговор — такая амальгама,
всё, что болело и томилось,
сливаясь, чтобы стать собой.

Рисунки Владимира ДЕЛБЫ

Глуха душа его, глуха,
иной не ломись, ии грохот,
и значит, в этом нет греха,
что и моя оглохла!

Давно оглохшие, давно
засохшие, как прутья,
немое, странное, иное
все крутым, крутым, крутым.

Нема душа его, нема.
Я говорить умею,
но рядом с нею и слова,
как камени, онемела.

Забыты звуки и слова,
и тому же — как нелепо! —
слепла душа его, слепла,
вот и моя ослепла.

Хочу прозреть, хочу опять
услышать звуки, речи,
Хочу сказать, хочу обнять,
да только нечем, нечем!

Душа глуха, нема, слепла —
печальная личина!
Но все еще болит слеза,
и значит — излечима.

Мне говорила красивая женщина:
«Я не грущу, не ропщу.
Сядь, словно шахматы, строго
расчерчено,

и ничего не хочи.
В памяти — облик далекого
детство, дороги, костры... пламени:
Не изменить этих праведных,
правильных

правил старинной игры!
Все же запутанно, все же
стремленно, —
черточка в чертёж, —
жду я чего-то светлого и встревоженно

и бездонно зноу.
Вырваться, выбраться, взяться бы
птицею,
жизни на себе испытать... —

Все репетиции, все репетиции,
ну а когда же спектакль!
Женщина смолкла, ушла, огорченна.
Выдала что-то свое.
Ночь распахнулась, глухая и черная,
и рассторжила её.

И, как за лайнером — след через
небо, —
странной пространной струной
дым сигареты грустно и немол
лет между нею и мной...

Сквозь тишину веду версту
вдаль,
на ушащую звезду,
за перелесой, в глушь и стынь,
где тает гниющая линь,
где у осколков той звезды
дрожит овална листвы.

Иди мне тужио по углам —
ведь шар земной прилип и шагам.
Мне оттого немвоготу,
что заурован в немоту
белый лебим,
годов былых —
никак не отзовусь на них!

Но, выравнявсь из немоты,
не повторить ни путь звезды
в листву, в траву,
а прохладу, в ног,
путь через небо — как ожег!
Я словно в каменной стене
стал неподвижным в тишине.

Разбуженная зевнь
на ветках не сникает,
капельный дым
весь день
с сосулек вниз стекает.

В анг этот так легко
почувствовать мгновение
и сиюно его
и душе прикосновенье.

Свисая с веток вниз,
остужен свет,
как иней.
Бессмертный мир,
творись
из этой тихой сини,

из громких звинных звезд,
из снежного цветенья,
из падающих звезд
сквозь зыбкое
мгновение.

Творишь ты —
из тиши
для славы, для успеха
и из моей души,
прозрачной, словно эхо.

Рисунок Владимира БЛАНКМАНА

И жду —
лист вздрогнет, треснет сук
иль с ветки
влажной капнет звук.

Я сердца собственного стук
хочу услышать —
смолок он вдруг.
И лишь исторг его в тиши
из ледягической душе.

Вокруг меня из тишины
четыре каменные стемы
глазят, крутят...
И все ж, и все ж:
сквозь тишь я слышу листьев
дрожь.

и за синию ощутил
сверхзвуковую тишь жары,
прохладу непорочность рос,
сыня звонное берез
и у овраки синевы
сентябрьский кумач листвы.

Все с той же грустью,
с той же силой
в январском поле свяди
равнин

я вижу снова свет остальи
задутой альготого рабим.
И ним таянется, как прежде,
сердце.

словно навстречу белу дню,
забудушь чуть —
и, чтоб согореться,
тнуя я ружь и их огнио.

Сюда прыд и ранний ранью
издалека и упаду,
как это тихое пыланье,
на землю — белую звезду.

Или щеной приружис и рабине
уже не свой, в только гостя,
в руке земли синица горсть,
словно и не был на чужбине.

Уже давно позноблены ветки,
и холодом елики наволгнул весь,
и позавинает
в белом просвете
белой капелью зеленая звзесь.

От мокрых верб завнесено теплым,
сырым и зметым,
изм запад дым,
и березовым, чистым натеком
стекает тихо в овраги дымь.

Земля
под сурным итлпам прымет
первые дождичи, первах оват,
чтоб икеиным соном всю опрозрачить
на пригорте сосну
от макушки до лят.

Из немоты побуревших почеч
рвется листва
в шорох и звень,
где в ворохах синевы у просен
уравнены вечность
и этот день,
где каждая ель
подобна капели,
где листья день чрез излом соль,
укутат хрупное тельце капели
тонкой кожей тишины...

Этот день такой ранний, ранний
и теплый,
Этот день распахнут настежь перед
мной

он сыплет и ногам тополовую,
зыбкую оспль,
и я не спеша вхожу в него,
как в дом обжитой.

Скоро поделанного зноа
медленного клейкой запаха
попылет над полем
пухом одуванчиков и тишины.

Как мессанжница,
в широкополых огромных шляпах,
подсолнухи тужестью наклона
сдвигают с места шар земной.

Так в день я вхожу,
знаюна касаясь его синия,
рукамм колочных его, сухих
касаясь едва,

и сам я, с ног до головы
обсыпанный розовой ранью,
слышу, как приствала на цыпочки
и кино приклонилась трава.

На листе тополовной высыхает
розовая погода,
шелест воды глотнет
втискиваясь в немоту каменей.

И предчувству тужесть диленья,
и предчувству тужесть полета,
я рвусь на себя,
как рвется дерево из корней.

Я знаю, что здесь среди марев
сонных
все идет, все движется,
как прежде, как встарь:
где звезда упадет —
вырастет взланный подсолнух,
где путь упадет —
вырастет новая даль,

где птички гал упадет —
вырастет торгунное эхо,
где роса упадет —
остается мокрая тень,
где след упадет —
останется новая вежа,

где капелька света упадет на
даль —
новорожденный вырастет день.

СВИДАНИЕ

Рисунок Владимира АРОНИНА

Витас — верхолаз. Он ходит в зауженных донельзя брезентовых брюках, берет на завтрак по три вторых и не дожидается, о том, что вздыхает по нему Лида-подсобщица.

Три улыбки с высоты получила от него Лида. Только и всего. Видно, опять не судьба. Вот этот, землемер, имел серьезные намерения, и в гости зачастил с А у самого губы мокрые. Ухо ему подставил, так еще и недоеден бывает.

А может, просто несмазый этот Витас! Может, только на высоте он отчаянный! Делает по перекрытиям, как стрелка, и насыпывает модные песенки для себя одного — досчитается когда-нибудь. А Лида ходит по грешному «уладо» да поругивает землекопов: перелопатил глину — вогте спущил негде.

Когда монтажники шаманят под самой крышей и сверху валяются осколки бетонных плит, Лида всесоло кричит:

— Эй, на барже! Убить хотите!

И грозит кулаком. И очень довольна бывает, если отозваться не кто-нибудь, а Витас и выдст что-нибудь вроде:

— Не трусь ты, чертвяк. Так же не убиваем. Жди потом, когда вымкнется рядом еще кусок и можно будет от души пообщаться!

— Эй вы, черти драные, вот только спуститесь... И заработает в ответ четвертую улыбку.

Сейчас что-то редко падают сверху бетонные осколки.

Если верить сатирикам, все парии в зауженных брочках должны ходить на танцы и вылаживать ноги в тинисте. Но Витас на танцы не ходит нелло сатирикам и Лида. И в самодельности не участвует. И в культпохода за грибами его не вовлачь. Байбак он, этот Витас. И обжора. Это ж надо — по три вторых за завтрак!

И всестия есть бот на земле! Неземитательный, нерасторопный, считает ворон вместо того, чтобы сидеть испрано, кому то надо. И все-таки есть. Иначе почему бы как раз в тот момент, когда Лида не знала, как перескочить широченную канаву, сзади подосел Витас.

— Учись, пехота, пока живой! — сказала он и сиганула на ту сторону. Руку ей протянул. А она стоит и сияет. Чувствует, что очень это гаупо — сить на краю канавы, а побороть себя не может.

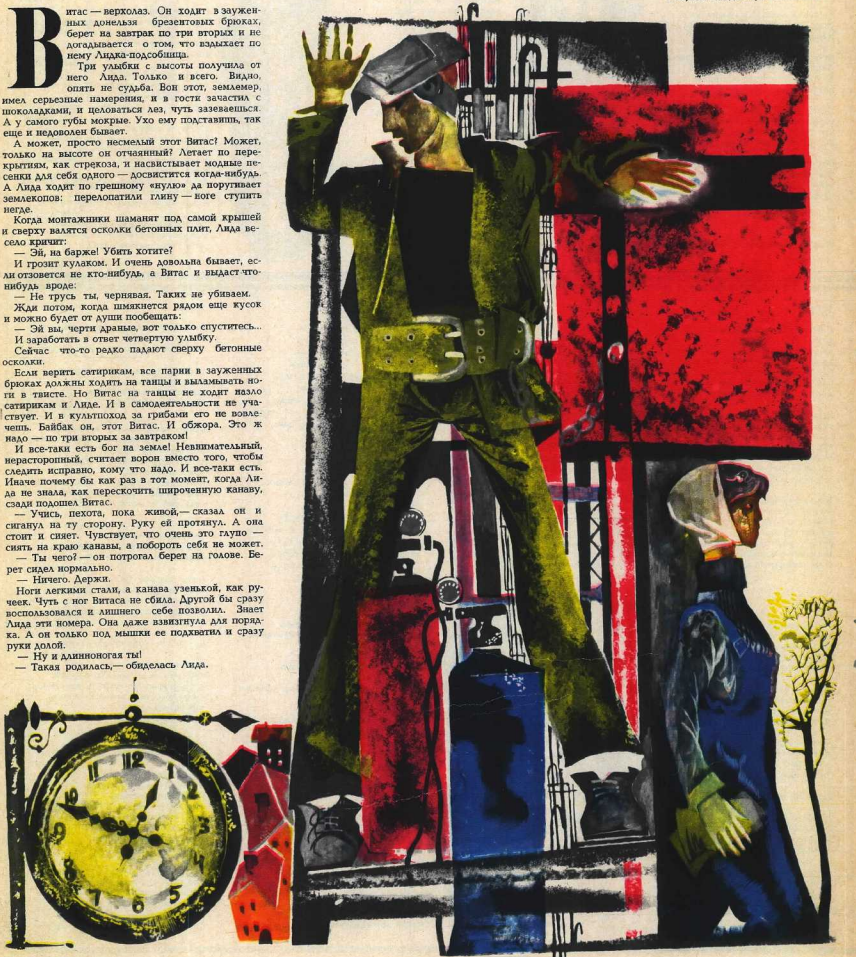
— Ты чего? — он потрогал берет на голове. Берет сидел нормально.

— Ничего. Держи.

Ноги легкими стали, а канва узенькой, как ручеек. Чуть с ног Витаса не сбавил. Другой бы сразу воспользовался и лишнего себе позволил. Знает Лида эти номера. Она даже звизгнула для порядка. А он только под мышку ее подхватил и сразу руку долон.

— Ну и длинноногая ты!

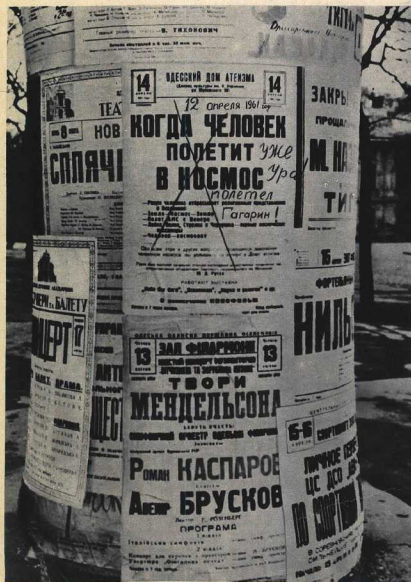
— Такая родилась, — обиделась Лида.

108 МИНУТ

Евгений РЯБЧИКОВ

«Когда человек полетит в космос?» Такие афиши можно было встретить во многих городах. Полет переставал быть мечтой — он становился реальностью. Утром 12 апреля 1961 года чья-то эмирничная рука радостно перевернула афишу: «Ура! Ура! Полетел Гагарин!»

Десять лет назад мир был потрясен сенсационной победой: человек впервые покинул родную Землю и вышел во Вселенную. Им был наш соотечественник Юрий Гагарин. По пути, проложенному Гагарилым в космическое пространство, поднимались 17 советских кораблей. Человек ступил на Луну. По Селене путешествует «Луноход». Автоматические станции исследуют ближайшие планеты — Венеру и Марс. Наше поколение станет свидетелем еще более грандиозных свершений в космосе. Но этот день — 12 апреля 1961 года — человечество запомит на вечные времена.

Мы предлагаем вниманию наших читателей очерк писателя Евгения Рябчикова. По рассказам очевидцев и участников эксперимента он восстановил события того времени и тех 108 минут, которые потрясли человечество.

Ракета ждала... Серебристая, тридцативосьмиметровой высоты, она стояла, готовая к прыжку в небо. Казалось, ракета дышала, словно живое существо, от нее шло легкое испарение, ее четко держали в своих металлических объятиях формы обслуживания: как бы не вырвалась, не дождалась космонавта!

По шоссе, проложенному в весенней пустынной степи, спешила и ракета зеленого цвета автобус. В его просторном салоне ехали в оранжевых скафандрах двое: Юрий Гагарин и Герман Титов. Тогда имена их еще ровным счетом ни о чем не говорили. Со стороны могло показаться, будто едут близнецы: оба невысокого роста, крепкими, в скафандрах, в гермошлемах с альпийскими буквами: СССР.

Прозрачные забрала белых гермошлемов были

подняты, и врачи, сопровождавшие «близнецов», видели так непохожие друг на друга лица. Поражало выражение лица Гагарина: казалось, он все время улыбался. Откинувшись на спинку кресла, он весело смотрел на товарищей и, стараясь подбодрить их, шутил. В улыбке Гагарина было все: и доброта, и ласка, и широта натуры, и нежность, почти как у ребенка, и душевная уравновешенность, навсегда остающаяся в памяти.

Юрий Гагарин ехал на старт космического корабля. Он первым в мире должен был совершить полет в неведомое и установить, может ли человек существовать в космическом пространстве. В ту пору космос представлялся сплошной загадкой. Он страшил своими тайнами, коварством невесомости, опасностью смертоносных излучений, перегрузками на активном участке полета ракеты.

Все было ново, рискованно.

Но при взгляде на Гагарина создавалось впечатление,

будто он и не собирался в полет, а только провожал друзей и беспокоился за их душевное состояние. «Как вы себя, ребята, чувствуете?! — спрашивал он и предлагал: — Давайте споем!»

Герман Титов смотрел на товарищей спокойнее и строже, хотя и он тоже весело отшучивался на шутки.

Сидевшие в автобусе просто пели, старались говорить о чем угодно, лишь бы не о космосе, не о полете.

Итак, ехали двое. Один должен лететь, второй его дублировал.

Первые дни космической славы. Сколько их было, таких смелых, — через стекло автомобиля, на трибуне торжественного собрания, дома с детьми...

Фото Григория ДУБИНСКОГО

Курт ВОННЕГУТ (США)

Фантастический рассказ

В год 2158 от рождения Христава Лу и Эмералд Шарпиз переехали на балкон фамильной квартиры Лу на 76-м этаже дома 257 в Олден Вилледж — новом районе Нью-Йорка, занимавшем всю территорию, которую когда-то называли Южным Коннектикутом. Когда Лу и Эмералд поженились, родители Эм с грустью говорили, что это совсем неподходящая пара, но теперь Лу вынул 112, а Эм — 93 года, и родители Эм признают, что брак вышел на редкость удачным.

Но жизнь Лу и Эм была не лишена своих горестей — именно поэтому они стояли сейчас на балконе, поживаясь от холода, и говорили о самом неблагоприятном.

— Временами я прихожу в такую ярость, что еще немного — и я разбаловал его антигравитацией, — сказала Эм.
— Это простиговственно, Эм, — ответил Лу. — Это — убийство. И потом, если он заметит, что мы трогали его антигравитацию, он не только лишит нас наследства, он мне шее сломает. Хотя Деду в 172 года, он еще силен, как бык.

— Проститовственно? Ох, я, наверное, никогда не релупусь разбаловать его антигравитацию как что-нибудь еще такое сделать, но боги ты мой, Лу, похоже, что Дед никогда не собирается оставить нас, если ему кто-нибудь чуть-чуть не поможет. Правда же, у нас так тесно, что негде повернуться. Верно до смерти хожет ребенка, а Мелесса дожидается уже тридцать лет. — Эм топнула ногой. — Меня тошнит, когда я смотрю на это старую, сморщенное роуэ и вижу, как он захватил единственную отдельную комнату, и лучшее кресло, и лучшее еду, и выбирает, что смотреть по телевизору, и заставлял всех делать, что он хочет, неграмотно меняя завещание.

— Что ж, упрямое сказал Лу, — кек-никак, Дед все-таки глава семьи. И как ему не быть сморщенным? Ведь когда избрели антигравитацию, ему минуло семидесяти. Он оставил нас, Эм, дядь строк. Это его дело. Я знаю, с ним неслетко, но потерпи. Старейший его не сердити. Нам ведь еще лучше, чем другим, — у нас есть кушетка.

— А долго ли нам еще спать на этой кушетке? Того и гадали, он выберет себе еще кто-нибудь в альбиныки. Кажется, мировой рекорд был два месяца?

— Да, кажется, отец с матерью как-то продержались около этого.

— Когда же он оставит нас, Лу? — спросила Эмералд.

— Он говорит, что бросит антигравитацию сразу после 500-миллиардной антогонки.
— Ну да, а до этого были Альминские игры, а перед ними первенство по бейсболу, а перед ним — президентские выборы, а перед ними — я не знаю что. И так уже пятьдесят лет! — то одна предло, то другая. Ничего у нас не работает, ни конюшня собственная, ни яхта на антарктику — ничего, никогда!

— Что ж, значит, я неудачник, — сказал Лу. — Но что я могу поделать? Я работаю не покладая рук и хорошо зарабатываю, но почти все уходит на налоги, по-прежнему, падают комнату? В Албоне, что ли? Кому такая яхта на окраине Чикаго?

Эм обвила руками его шею.

— Лу, милый, я не говорю, что ты неудачник. Бог свидетель, что это не так. У тебя просто возможности не было кем-то стать на то, что ты имеешь, потому что Дед и все его поколение никак не уходит и никому не дают занять их место.

— Да, да, — печально согласился Лу. — Но можно ли их в этом винить? Я думаю, что и мы будем держаться за антигравитацию, когда доживем до таких лет.

— Иногда мне хочется, чтобы никакого антигравитатора вообще не было! — в сердцах воскликнула Эм. — Ими тогда он делался из чего-нибудь дорогого или мадолоустого, а не из гречи и одуванчиков. Иногда мне хочется, чтобы люди просто рождались и умирали, как растения, и ничего не могли бы с этим поделать, а не релудли бы сами, сколько им еще жить. Надо бы законом запретить продажу антигравитации всем, кто старше ста пятидесяти.

— Ничего не выведет, — ответила Лу. — Все деньги и полуса в руках стариков. — Он приставил палец к губам, как предупреждение, и ничего не мог бы с этим поделать, а не релудли бы сами, сколько им еще жить. Надо бы законом запретить продажу антигравитации всем, кто старше ста пятидесяти.

— Ну, знаешь, нашел что спросить у тебя, Милый, мне нет еще и ста. — Слово в подтверждение своих слов, она провела руками по своему крепкому, молодому телу. — Лучшее дело у меня еще впереди. Но надо убедиться, что когда старуха Эм курнет что-нибудь, она выйдет в раковину своей антигравитации, संबодит место и смекает это смекает.

— Ну, конечно, — возразила Лу. — Все так говорит. А ты слышала, чтобы кто-нибудь это смекал?

— Был тот человек из Демалвера...

— Он не принадлежал к ним, правда? Прошло уже пять месяцев.

— Хорошо, тогда бабка Вилкер, здесь, в этом самом доме.

— Она попала под метру.

— Просто она выбрала такой способ.

— Ты знаешь тогда при чем дело с антигравитацией?

Эмералд уставно покачала головой и прикрыла рукой глаза.

Лу досадно обвья ее за плечи.

— Если бы ты только знала, милая, как мне тяжело, когда ты в таком настроении.

— Хотя бы у нас была машина, вроде тех, какие были когда-то, — сказала

Фантастический рассказ-панфлет Курта Воннегута, который мы предлагаем вниманию читателей, отличает острота социальных наблюдений. И хотя действие рассказа происходит в XXI веке, «единственным элементом фантастики в нем — это антигравитация, позволяющая жителям Земли летать. С бесспорной иронией писатель показывает, что может произойти с любовью, обществом, цивилизацией, когда главным изобретением является в собственности монополий и становится средством эксплуатации самой любви человека к жизни.

Если оставить условные рамки фантастики, мы увидим современные Соединенные Штаты Америки с ихощедростью и возможностью буржуазной пропаганды, распавшей семью, ложью и обманом, дуговой нищотой и крушением морали.

Эм: — Мы бы сошли в море и отправились хоть ненадолго подальше от всех. Вот это было время!

— Да — сказала Лу. — Пока не израсходовали весь металл.

— Но мы все закатали в машину, и плапа, подыжающая к безвоздушному, кричал: «Запретная езе поживе!»

— Конечно, это было здорово. Пока не израсходовали весь бензин.

— И мы отправлялись в веселые путешествия за городом...

— Да, а теперь эти катиты скажут тебе, Эм? Даже не верится, что между городами когда-то было столько свободных мест!

— А проголодавшись, — продолжала Эм, — мы находили рестораны, входили туда такие жаждные и говорили: «Принесите-ка мне, пожалуйста, вырезку с жареной картошкой» или: «А хорони ли у нас сегодня свежие отбивные?»

— Они баловали губы и ее глаза забавляли.

— Да — проворчала Лу. — а как насчет шиншеца с гарниром?

— Ммммм!

— Промоляю вам тогда кто-нибудь переработанные водоросли, мы бы ему в ашпо плавали, правда, Эм?

— Или переработанные опилки, — добавила Эм.

Но Лу из удивления пался во всем направлении хорошую сторону.

— Во всяком случае, теперь их перерабатывают так, что они куда меньше навредит водоросли и опилкам, чем раньше, и говорят, что они на самом деле поменьше прежней еды.

— Меня она вполне устраивала, — с досадой произнесла Эм.

Откровенный Лу в раздумье подошел к краю балкона и поглядывал на чистые, холмистые, яркие эмералды, свившие на бархатном фоне бесконечности.

— Ну, а теперь мы бы зачитывали научную фантастику, Эм? Реис 17 на Марс отправился со стартовой площадки 12. Все на борту Пассажирок простоят спокойно. Дюсть секунд, — дюсть, — восемь, — семь, — шесть, — пять, — четыре, — три, — две, — одна. Первая ступень! Бу-у-у-у-у-у!

— Ну, а теперь мы бы зачитывали научную фантастику, Эм? Похвалится Эм, плавая вслема за ним, как я знавала? — Еще каких-нибудь несколько лет, и мы все устремимся в космос, чтобы начать жизнь сначала на новой планете.

Лу выдохнул.

— Но даже если бы удалось освоить парнишного колониста на Марс, оказывается, нужно соорудить ракету для а да больше, чем Эмпайр штат Биндиг. А еще за пару триллионов долларов он мог бы захватить с собой жену и собаку. Вот тебе и возможность бороться с перенаселением — можете эмгравитацию?

— Лу?

— МММ!

— Когда будет 500-миллиардная антогонка?

— В день именованния павших, 30 мая.

Она закусила губу.

— Наверное, ужасно, что и о б этом спрашиваю?

— Ничего страшного, я думаю. В квартире уже все лаязан в календарь, чтобы лийний раз проверить.

— Мне не хочется быть жестокой, но иногда просто нужно выговориться, чтобы избежать лишней мысли.

— Конечно. Теперь легче стало?

— Да, и я постарелась больше не выходить из себя и была с ним поласковее.

— Вот и мыслюмед.

Они собрались с силами, ободрившие трабро-улыбнулись и шагнули в комнату.

Дед Шарпиз сидел, задвигавшись в ручку своей стирки, пожимая подбородком на бутылку, и он отправил газ от пиструющего экрана телевизора. На окраине комментатор «последних известий» делал обзор дневных новостей. Через каждые полминуты Дед стучал об пол коном тротика и кричал: «Какого черта! Мы еще это лет назад, это делал!»

— Эм, — сказал Лу, — ты слышала, как Эм стучит по полу? Дед был вынужден занять место в заднем ряду подползновения, его отца с матерью, брата с женой, племянника со снозой, внука с женой, внуки с мужем, правнука с женой, невестки с женой, внучатого племянника с женой, правнучатого племянницы с мужем, правнучатого племянника с женой и, конечно, Дед, который вассалада вперед себя. Все, кроме Дед, смеята сброшенного и выскокого, казалась (по доантигравитационным меркам) почти одного возраста — около тридцати.

— Между тем, — продолжала комментатор, — ужасногая трагедия по-прежнему вызывает Ва, Катусиа-Блаффс, пятит Авова. Но надежда не оставила двести миллиардов долларов, которые продолжат раскопки, чтобы спасти 183-летнего Эмералда Хаттердова, уже два да назад заваленного я...

— Хотелось бы чего-нибудь повеселее, — прошептала Эмералд на ухо Лу.

— Тихо! — тарнула Дед. — Еще какая-нибудь хомера развернет рот во время передачи, — или же мексиканская, как мексиканская, и забавит нас баллодом доллара, как только, — тут голос Дед неожиданно сменился, — как только махнут калечатным флажком над трекром в Индианополисе и старый Дед соберется в несладкий путь.

— Ой, — сказала Эмералд, а его наследники отчаянно старались не проорыть ни одного звука. Дед ужас ужас при мысли о предстоящем последнем пути Дед!

несколько пригнулся из-за того, что Деа напоминал об этом каждый день в течение уже пятидесяти лет.

— Сегодня вечером — говорила комментатор — доктор Брейнард Кейт Булар, президент Байналто-Коллажа, заявил, что большинство неутради в мегар, объясняется оставанием познаний человека о себе по сравнению с его знаниями об окружающем мире.

— Какого черта! — сказал Деа. — Мы уже сто лет назад это говорили!
— В Чикагской больнице, — продолжала комментатор — сегодня присокают торжественное празднование. Почетный гость на весте — Адам В. Хитц, родившийся сегодня утром. Это двадцатитрехмиллионный ребенок, появившийся на свет в этой больнице.

Лицо комментатора погасло, и на экране появилась яростно орущая маленькая Хитц.

— Какого черта! — зашептал Лу на ухо Эмералда. — Мы уже сто лет назад это говорили!

— Я все самшвал! — зашипел Деа. Он режким движением выключил телевизор. Оспенение от страха потопыки продаждал молча галдеть на экран.

— Эй ты, парвель.

— Но я ничто такого не хотел сказать, — оправдался Лу.

— Принеси мое звание. Ты знаешь, где оно. Вы все знаете, где оно. Живю!

Лу хмуро кинула и перемеза через постель, направилась к комнате Деа — единственной отдаленной комнате в квартире. Кроме нее, квартира состояла из ванной, гостиной и широкого холла без окон, который вначале предполагалось использовать как столовую и который заканчивался маленькой кухней. Шесть матрасов и четыре ставных мешка были разброшены в холме и гостиной, где стояла еще и кушетка, занимаемая одиннадцатидесяти парой, очередными любимицами.

На Дедовом бюро лежало звание — измятое, грязное, с обрешанными краями, испещренное сотнями добавлений, вычеркиваний, обвинений, условий, предупреждений, советов и жгетических мудрствований. Этот документ, поданный Лу, был, согласно из полузаурядной жизни, втиснутый в две страницы — запутанным и неразборчивым бортовым журналом из каждодневной борьбы. Сегодня Лу предстояло в одиннадцатый раз лишиться наследства, и, чтобы снова получить надежду на часть имущества, ему понадобилось теперь не меньше полдюжана весте себя безудержно.

— Парвель — позвала Деа.

— Иду, сэр. — Лу поспешно в гостиную и протянула ему звание.

— Ручку! — приказал Деа.

Ему было мгновенно протянуто одиннадцатидесять ручек — по одной от каждой пары.

— Только не эту: она течет, — сказала он, отталкивая ручку Лу. — А вот отличная ручка. Молодец, Вяали.

Вяали, который, несмотря на свои 142 года, выглядел немощнее старше Лу, не смел скрыть своею радость. Он робко поглаживал на кушетку, которая теперь перенедт к нему, а Лу и Эмералд придется перебраться с нее в холл, на самое худшее место — подале двери в ванную.

Деа насладжало всеми подробностями устроенной им самим драмы и вложил в свою правую руку всю свою душу. Насмурились и вода падающая по струбкам, как будто утвезд звание впервые, он начал читать вслух — громко, многозначительно, монотонно, пологом, похожим на звук басовой трубы органа.

— Я, Геролаф А. Шаррд, проживающий в доме 257, Олдман Вяаладж, Нью-Йорк, настоящим совершаю, объявляю и возвещаю свою Посреднюю Волю и Завещание, упрядая своим все предудеи звание и указания, когда-либо мной до настоящего времени сделанные.

Он важно выморжился и, не пропуская ни одного слова, а вместо повтория, чтобы усилить впечатление, продолжал в который раз читать все более обстоятельные распоряжения относительно похорон. К концу этого раздела Деа так расстрогал, что Лу подумала было, не забудет ли он вообще, зачем было измечено звание. Но Деа, героически справившись с начальными чувствами, делую минутой что-то усердно старался, а потом начал читать, повторяя написанные вслух. Лу слышала это так часто, что мог бы читать за него нунисту.

— Когда я еще обита в этой юдоме слез, — писал и говорила Деа, — я перенес немало разочарований. Но самую горькую обиду нанес мне —

Он оглядел присутствующих, стараясь вспомнить, кто же из них провинился. Все посмотрели на Лу, которая похорно подняла руку. Деа удавотворенно кинула и закончила:

— ...нанес мне мой правуек Луи Дж. Шаррд.

— Внук, сэр, — сказала Лу.

— Не удивляйся. Ты и где уже попасал, молодой человек, — сказала Деа, но слово исправил. А потом он без всяких изменений произнес формулу лишения наследства за неуважение и увлывание.

В следующем абзаце, который в разное время был посвящен каждому из находящихся в комнате, имя Лу было вычеркнуто и заменено именем Вяали, который теперь стал наследником квартиры и, главное, душепутной кроветки в отдаленной спальне.

— Вот! — произнес Деа, сияя. Он стер дату в конце завещания и поставила новую, указав время дня.

А теперь пора смотреть «Семью Мак-Гарриелл».

Это была месторейная телепередача, которую Деа смотрела неуохисительно с тех пор, как ему минуло 60, то есть 112 лет шодра.

— Не терпится узнать, что будет дальше, — сказала он.

Лу отошла в сторонку и улетя на свое ложе страданий у двери ванной. Ему хотелось, чтобы Семья была с ним, и он подумал, там что она может быть. Потом он ненадолго задрема и проснулся от того, что кто-то перешагнул через него, входя в ванную. Через мигновение он услышал слабое бульканье, как будто что-то лилось в раковину. Ему внезапно пришло в голову, что Эм не выдержит и решила прийти к Деау крайние меры.

Эм! — шепнула он в шепал. Ответа не было, и Лу нажал на дверь. Старая, еле державшаяся защелка через секунду поддавалась, и дверь распахнулась.

— Морти! — изумленно воскликнула Лу.

Мортием, правучийшим пламеником Лу, который только недавно женился и пришел в семейство Шаррделл женоу, в растерзанном состоянии. Он захопнула дверь, но Лу успела разглядеть, что было у него в руках — огромная Дедова бутылка с антигрозом, наполненная пустая. Морти доивала в нее воду из крана.

Через мигновение Морти вышвал, бросив вызывающий взгляд на Лу, молча прошел мимо него в гостиную и сел рядом со своей женой.

Потрясенный Лу не знал, что делать. Он не мог допустить, чтобы Деа пришла, разоблачив антигравитацию по сути он скажет об этом Деау, жизнь в квартире, и тогда невольница, превратится в Деа.

Лу забегал в гостиную и увидел, что Шварцы, и среди них Эмералда, наслаждаются минутой покоя, пологонные тем, как портлио себе жизнь семейство Мак-Гарсей. Он ухватился за волосы, старательно запер за собой дверь и начал опорожнять туалетный раковину. Он хотел снова выпустить ее шестым антигравитатором из 22 бутылочек поменьше, стоявших на полке. Бутылки вывалились, горюхило у него было узкое, и Лу казалась, что жидкость выливается уже целую вечность. А едва опухшим пятны антигравитатора всталс мощной струей лететь в квартиру сквоз замочную скважину и здесь по дверью.

— Гаут-гаут-гаут-гаут! — монотонно бубняло в бутылке. Внезапно из гостиной доносился музыка, шум голосов и звуки отодвигаемых стульев. Телевизионный диктор произнес: «Сейчас мы расскажем. Он хотел снова выпустить дядю из жизни наших с вами соседях — Мак-Гарсей». В холле послышался шаг. В дверь вынырнул постучав.

— Секундука! — веселым голосом откликнулся Лу. В отчаянии он постуч бутылку, чтобы жидкость выливалась быстрее. Уборщик стремло выскользнул у него из пальца, и тяжелая пелюда разлетелась дробинкой, ударившись о плитку пола.

Дверь распахнулась, и картина преступления открылась глазам ошеломявшегося Деа.

Лу почувствовала странное покалывание под волосами. Поборов приступ головкружения, он попытался снова улыбнуться, и так как в голову ему не пришло ни одной мысли, он молча ждал, когда Деа заговорит.

— Луану, привет! — произнес немолодая Деа. — Придётся тебе тут прибраться. И бы тебе нечего сказать. Он поперхнулся, проглотил сквоз толку и заперся в своей спальне.

Изумленные Шварцы еще мигновено молча разглядывали Лу, а потом поспешными в гостиную, как будто чего-то ужасного явно легла бы и на них, заглянув они поспешно ушли. Последним ушел Морти, бросив на Лу насмешливый взгляд. В дверях остался только Эмералда. Но ее щекм кактисса слезы.

— Ах ты мой несчастный! Ну, не надо так переживать. Это я виновата. Я тебя так испугала.

— Нет! — ответил Лу, и к которому вернулся голос. — Это не ты. Честное слово, я ни в чем не виноват.

— Неужно мне ничего объяснять, милый. Я с тобой, что бы ни случилось.

Она подошла ево и в шепку и прошептала:

— Милый, это же убийство. От этого он бы не умер. Ничего в этом ужасного нет. Просто он смог бы уйти тогда, когда бог этого захочет.

— Что же теперь будет, Эм! — глухо произнес Лу. — Что он теперь сделает?

...

Перепуганные Лу и Эмералда почти всю ночь не сомкнули глаз, гадая, что предпримет Деа. Но из световой щельки не доносилось ни звука. Они задремали по две-три минуты.

В шесть они уже были на ногах — в это время на кухне звякнуло их покалывание. С ними никто не разговаривал. В их распоряжении было двадцать минут на еду, но после бессонной ночи они двигались так медленно, что едва успевали поспешно подойти к столу. Последним вышел Деа, и тогда в квартиру было пора уступить место спалющему колыбелью.

Потом они, как и полагалось посемени, долго лигали наследства, прижались готовить завтрак для Деа — есо по утрам подавали в постель на подноске. Потом пытались добраться к нему. Тяжелое всего было иметь дело с настоящими янами, груминкой и маршалами, на которые Деа тратил почти всю прибыль своего капиталла.

— Что ж, — сказала Эмералда, — я не собираюсь поддаваться панике, пока не выяснится, стоит ли паниковать вообще.

— Может быть, он не паника, что я разбег! — с надеждой сказала Лу.

— Ну да, наверное, он подумал, что это стекалшко от часов, — заметила их сын Эм, равнодушно играя шариками из переробатанных по гречневую муку опилок.

— Не надевайся над отцом, — сказала Эм, и вообще не бойтис с набитым ротом.

— Хотел бы я видеть, кто может промочить набив рот этой дрянью, — буркнул Деа (ему было 73 года). Он полагал на час:

— А вышло, только подаете Деау завтрак.

— Да, пора, — уныло сказала Лу, подав плечамим. — Давай поднос, Эм.

— Я подаю с тобой.

Хрибро ухватившись, они медленно направились к спальне, где обнаружился Эм. Он сидел по углам кровати выстроившихся у двери.

— Деа! — весело сказала она. — Завтрак готов!

Ответа не было, и она постучала еще раз, поспешнее.

Дверь распахнулась от удара ее кулака. Мягкая широкая кровать под балдахином, запертая на замочную скважину, издавала прекрасное дуновение будущего для каждого из Шварцы. Это было пустое.

Ощущение смерти, столь же незаметное, Шварцам как зоространит или прычаны всостания снаивев, заставило все голоса стихнуть. Потрясенные наследники принахлос осторожно заглядывать под столам и за занавески в поисках остатков Деа.

Но Деа оставил по себе себя не брениую обложку, а занписку, которую Лу в конце концов обнаружил на комодке под пресс-папье, бережно хранившимся здесь со Всемирной выставки 2000 года. Сильновыше голосом Лу прочел: «Луану, привет! Я пишу тебе, собираюсь воспитывать все это, тогда в миру споси сил и умения, этой ночью обратилас против меня, подало бешеному псу, и разбавила мой антигравитатор — или попыталась это сделать. Я уже немолода. Я больше не могу нести тяжелое бремя жизни, как в нес в есо до сих пор. Но ты посмотри на себя, переживаешь эти войны в твоем мире, пропийте. Сутебные заботы этой мира скоро спадут с меня, как первый пламя, и я обрету покой. К тому времени, когда вы найдете эту занписку, меня уже не будет в живых».

— Деа же мой! — печально сказала Вилли, — он даже не дождался 500-миллиардных автонок и так и не узнал, чем они кончатся.

— И чем кончатся первенство мира по безбосу, — сказала Эм.

— И вернется ли зрение к миссис Мак-Гарсей, — добавил Морти.

— Тут есть еще, — сказал Лу и продолжал читать.

— Деа, Эм, Деа, Шварцы, — настоящим современно, объявляю и возмещаю свою благодарность. За последние двадцать лет я видел много прекрасных записаний и укоразия, когда-либо мной до настоящего времени сделанных.

— Не может быть! — воскликнула Вилли. — Неужели это одно!

— Я особо отговариваю, — читал Лу, — что все мое имущество, как движимое, так и недвижимое, должно принадлежать Деау, но завещаю владеть им совместно всем моим отпрыскам, независимо от поколения, на равных правах и в равных долях».

— Отпрыскам!

Лу слышал широкий жест руки.

— Это значит, что все это прокатное заведение принадлежит всем нам. Все гадя мгновенно устремился к кровати.

— В равных долях! — переспросил Морти.

— В сущности, это как при прежней системе, — вмешался Вилли, старший из всех присутствующих. — Самые старшие возглавляют семейство и помещаются вот здесь, а...

— Вот это мне нравится, — перебила его Эм. — Лу здесь принадлежит столько же, сколько и вам, и я считаю, что главное всеж — самый старший из тех, кто имеет право быть тут дривелем».

— А не предоставят ли хоть какую-нибудь возможность удалиться людям, которым никогда еще не удавалось этого попробовать! — горячо вмешался Деа. — Черт возьми, вы все старики, этим достаточно пользовались!

— Деа! — возразил Морти. — Конечно, тебе пришлось тяжело, и я тебе безмерно сочувствую. Но только попробовала бы ты провести в холле медовой мезы, чтобы было тут удавалось».

— Тихо! — повелевательно крикнула Вилли. — Первый, кто откроет рот, будет полгода жить у двери ванной. Вторым уберутся из моей комнаты — мне нужно подумать.

О стену в нескольких дюймах над его головой разбилась ваза. Через миг появились в спальне два человека. Каждый из них пытался взглянуть в остальные. В большинстве своем тактичные ситуации образовались, и тут же распались временные союзы. Эм и Лу оказались вынужденными в холле, где они обменялись дружелюбными взглядами в том же положении, и любили друг друга в этот момент.

После дружеского сражения, не принесшего никаких видимых результатов, в квартиру воцарились полнотемнота.

Следующие полчаса натуральные фургоны и машины скорой помощи уносили Шварцы в тот же квартиру, ставя тихой и протестной.

Чером после кадра закончившихся этой ночью, были показаны по телевидению 500 миллионм восхищенных зрителей Восточного побережья.

Вместо трехкомнатной квартиры Шварцы на 75-м этаже дома 257 остался включенный телевизор. Воздух снова охладился как-то, возмущая и притом дреки, которые на этот раз безбоязненно раздавались из громкоговорителя.

В Картины битым можно было видеть и на экране телевизора, стоявшего в полнотемном участке, где за переделись с профессиональной заинтересованностью Шварцы и их отпрыски.

Эм и Лу оказались в смежных камерах, размером четыре фута на восемь, и мирно лежали на своих койках.

— Эм! — позвала Лу через перегородку. — А у тебя тоже свой умышляеин?

— Да, замечательный. Он бивий и постель, и свет — все свое. Хай! А мы-то так мечтали о Даволой комнате. И так! Ало!

Она выгнула перед собой руку.

— Милый, у меня в первый раз за сорок лет плавы не трусится!

— Эм, замечательный, — вмешался отпрыск Лу. — Попробуй добраться сюда на целую ночь.

— Вот это да! — метательно протянул Эм. — А как бы скитрились, чтобы поучить однокругу?

— Эм, замечательный — вмешался отпрыск Лу. — Иначе я всю шапку-ленку выгнать могу! А есан кто есть слово кому-нибудь скажет, как здесь хорошо, — больше ему тут не жить!

Арестанты тут же умоляли.

В гостиной квартиры Шварцы на мгновено стало темнее — картины боя на экране померкли. Потом, как солнце из-за тучи, появился лицо Диктора.

— А теперь, друзья, — сказала он, — у меня есть специальное сообщение от изготонителли антигравитации — сообщение для всех вас, кому больше ста лет. Оно касается не только нас, но и вас, и ваших детей, внуков, сыновей, сестер, дяди или дяди, прибрежные есо до появления антигравитатора. Но вы больше не нужды страдать и опичивать свою непопозитацию. После многолетних исследований медицинская наука изобрела суперантигравитацию! Через несколько недель — вы сможете выпустить мушкетера, и высти себе в тонности так же, как ваши привуки! Ведь правда, вы не пожелали бы пять тысяч долларов на то, чтобы вас неэля было отпичивать от других?

Но вам не придется платить даже этого. Дневная порция бездрогого, испытанного суперантигравитатора всего лишь несколько долларов. Возвращение всей вашей молодости и обаяния обойдется вам в среднем миллионе. Потом вы 50 долларов. Требуется бесплатные проспекты. Все, что для этого нужно, — это написать на открытке номер в доллар свое имя и адрес и послать ее по адресу: «Супер», потовой ящик 500 006, Сенкекстад, штат Нью-Йорк. Золотой ящик «Почтовое».

В гостиной Шварцы раздался скрип пера — той ручки, которую накануне дал Деа Вилли. Нескольмо минут назад Деа пошея сюда из соседней спальни «Час отахла». Он вываля уберщину, чтобы она привела квартиру в порядок, и вилла ухитрилась доказать, чтобы добиться разрешения своего истового. Потом он подвинул кушетку к телевизору, чтобы можно было смотреть джаз. Об этом он мечтал уже много лет.

— Сек-чек-чек-чек! — пробормотала Деа. — Так!

Следующие пять-шесть минут — это было гораздо спокойнее, и вместо ежедневных нервных напряжений черт, говоривших о другом характере, не им появилось выражение доброты и умиротворенности. Можно было по-думать, что он уже привия первую толку суперантигравитатора. Увидел на экране эту толку, он вынул из кармана миллион и улыбнулся вместо того, чтобы едва расхвлять на ливиний миллионер платно и сказать гуд. Жизнь была прекрасна. И он с надеждой и ожиданием смотрел в будущее.

Перевали с английского
Алексей ИОРДАНСКИЙ и Александр ЧАПКОВСКИЙ.

Фрагмент одного из авторских сценариев «Право на прыжок», безусловно, привлечет внимание читателей «Смены»: Валерий Брумэль, олимпийский чемпион, рекордсмен мира по прыжкам в высоту. Сценарий, конечно же, о спорте, и герой его — Виктор Мотыль — прыгун, судящей своей во жмота похож на Брумэля. И в первую очередь он попал, как Валерий, и лечился потом долго, мужественно перенос одну за другой значительные операции, и в спорт возвращался так же трудно, как и железный, «гигерезервный» вынослив...

Нынешней зимой все спортивные издания мира обильно сообщали, как ведется на лыжах взгляд работы, бубнившего: Валерий Брумэль взял высоту 207 сантиметра! Слабый результат по имениннику меркам, не правда ли? Но ведь это был Брумэль, вчера еще жмотик прямо выскрикнувший из спорту.

Про себя как-то сдобнее реальному Валерия Брумэлю и вымышленному Виктору Мотылю последний — литературный персонаж. Авторы имели право на творческий вымысел и использовали это свое право в полной мере.

У сценария есть одно неспортивное достоинство: в его создании участвовал человек, знающий спорт не по поверхности, но со зрительской скамьи, а с ее являющейся частью этого сурового мира, называемого Большим спортом.

Валерий БРУМЕЛЬ, Александр ЛАПШИН

Право на прыжок

на трибунах

ЭПИЗОДЫ ИЗ КИНОСЦЕНАРИЯ

Остался один в пустом зале. Он никак не может преодолеть свою первую после больницы высоту — 150 сантиметров. Как автомат, он пробегает несколько шагов, прыгает, сбивает планку и сразу же спешит, прихрамывая, обратно.

Он и сам не знал, когда это может кончиться. Рядом, оперевшись на шпалору, стояла община. Она уже давно протрела весь пол, оставив Мотылю сухие островки поале стоек.

— Ну, сколько можно, милый? — не выдержала она наконец. — Ты же ее так слова сломаешь.

— Вы совсем не то делаете, — раздался чей-то голос.

Мотыль приостановился, перебрал дыхание, он чуть не плакал.

В дверях зала стоял новый тренер Виктора. Он, видимо, уже давно наблюдал за ним.

— Если хотите перепрыгнуть, то сначала встаньте спиной к планке и успокойтесь, — посоветовал тренер.

Мотыль послушно повернулся.

— Теперь думайте вот что: «Ну, как мне не стыдно. И тут пугеваемы занимаюсь, а пожилая женщина жидет. Все полки перемазала, уезжаю...» Как только вы ее по-настоящему покажете, у вас все получится.

Мотыль усмехнулся и, прикрыв глаза, начал сосредоточенно о чем-то думать. Потом резко повернулся и, пробежав два шага, легко перебрел над планкой. Он упал в яму и изумленно уставился на тренера.

Потом они уже во время били вместе...

На пестром картере — усталый, с искаженным лицом, Мотыль упорно скакал на большой ноге по забьюму несчастью откосу. Тренер стоял наверху, ждал его.

В спортивном зале — восьмидесятиградусковой штаткой Виктор пробовал бегать враножку с подскоками. Правая нога еще не выдерживала, и его все время перекашивало на одну сторону. Он приостанавливался, поправлял штаны и повторял все сначала. Записывая что-то в тетрадку, тренер поглядывал на него со скамейки.

В лесу акустика губы, Мотыль скакал на своей большой ноге по глубокому снегу. Тренер бежал рядом.

Наконец, в бале — изумченный, ошарашенный тренер испуганно хлестал Мотыля горючим венником. Потом они, тяжело дыша, сядли под простынями в пробаники. Мотыль вставал на весы. Тренер отрицательно мотал головой, и все начиналось сначала...

Прошел год. И вот перед нами панорама огромного американского стадиона. Рассаживаются зрители, разминаются спортсмены, мечутся репортеры, расстреливая на фотоаппарат спонсеров, и на всю эту предстартовую суету снизу вверх тихо наползают броские галетные строчки: «...Легкоатлетический матч гигантов СССР — США...»

«...Вне конкурса выступают несколько чемпионов Европы...»

«...Новая шведская звезда — прыгун в высоту Стиг Петерсон...»

«...Ник Джем уже давно отвык от серьезных конкурентов...»

«...В большой спорт вернулся Виктор Мотыль...»

«...Ник Джем: если мне удастся повторить свое высшее личное достижение — 2,24, я навсегда покину прыжковый сектор...»

Выгляды ста тысяч американцев приковано к прыжковому сектору, где трое арбитров тщательно устанавливают гибкую планку.

Потом на электронном табло вспыхнула: «...2,08... ВИКТОР МОТЫЛЬ... ПЕРВАЯ ПОШТКА...»

Мотыль исподлобья глянул на планку и легко побежал вперед. Но, оттолкнувшись, он вдруг раздумал прыгать и перед собой снял рейку руками.

Высота была скромной, на трибунах пока молчали.

Тренер Виктора приподнялся со скамьи.

— Жарина... Все нормально... успокой его мимоходом Мотыля и ушел к телефону.

Там он улегся на траву и раскрыл книгу.

Дали старт забегу мужички на 5 тысяч метров. К прыжку готовился рыжий швед — Стиг Петерсон. Одна нога у него была босая, толчковая в шиповке. Босой, он, как мятникком, перетупал ввал-вперед и, словно удав, гипнотизировал планку. Потом прыгнул и как бы покорялся к ней.

Виктор услышал глухой стук толчка и по жид-

ким хлопкам понял, что швед преодолел высоту. Он перевернул страницу.

Высокий, молчаливый Ник Джем победил сразу. Побежал, как всегда, неслышно и с большим запасом проплыл над планкой. По стадиону прокатилась волна аплодисментов.

Мотыль отложил книгу и неторопливо прополз к стойкам, проверил отметки-кольшки для разбега. Оторвав от земли глаза, он столкнулся с участливым взглядом негра.

— Далеко... — точно улыбнулся тот белокурой улыбкой, — толчок...

Мотыль кивнул ему благодарно...

Прикрыв глаза, он повернулся спиной к прыжковой яме и постоял так немного. Потом он лег на маты и спокойно смотрел, как просят и медленно сползает с подставок рейка. Она упала ему на голову... Не вылезая из ямы, Мотыль глянул на трибуны.

Стадион молчал.

Мотыль лениво поднялся на ямы, подошел к тренеру. Тот отвел глаза, скакал в сторону:

— Не знаю... Ничего не знаю. Ты все делай абсолютно правильно.

— Они не верят в меня, — тихо произнес Мотыль.

Тренер рассеянно оглянулся на трибуны, пошевеливал:

«Попробуй надеть старую шапку».

Мотыль, отойдя под тент, начал переодеваться.

Тренер пришел к Виктору, сказал негромко: — Перенеси попытку на следующую высоту... Они начнут прыгать, ты отдохнешь.

Виктор отрицательно помотал головой.

— Тихо, тихо... — произнес тренер. — Поверь и посмотри на очки... Если ты не прыгнешь, команда может проиграть.

Огромное табло стадиона сообщало:

29 июля
США — 165 СССР — 150

Мотьял направился к судейскому столку. По пути ему попался швед. Он взглянул Виктору в лицо, тихо произнес:

— Нет, нет... я гадко улыбнулся.

Тренер вернулся на скамейку, стал наблюдать за Виктором. Тот что-то сказал судьям, и на табло сразу же поменялся надпись:

«...2.10... СТИГ ПЕТЕРСОН... ПЕРВАЯ ПОПЫТКА...»

В забеге на 5 тысяч метров американец сделал неожиданный рывок и начал отрываться от группы. Стадион оживился и стал поддерживать его бурными криками.

Мотьял возвратился к тренеру, тот кивнул на шведа, спросил:

— Что он хотел?

— Подонок, — поморщился Мотьял.

Швед опять, как удав, глядел на планку, снова шаркая босой ногой по земле... Потом сухо отодвинул от себя гиревую дорожку и молчаливо обогнул планку.

Трибуны дружно зааплодировали.

— Петерсон! Петерсон! — начали громко скандировать в одном из секторов.

— Ник Джекс! Ник Джекс! Ник Джекс!... — тут же стала раскатываться в ответ оставшая публика. Волгасан шведских болельщиков сразу утихли.

Нетр широко улыбнулся и помакал артемом рукой, мол, все будет в порядке. Огромными стелющимися шагами он побежал к планке и преодолел высоту, тоже с первой попытки.

Стадион зааплодировал... Табло высветило:

«...2.10... ВИКТОР МОТЯЛЬ... ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА...»

Виктор медленно пошел к началу забега. Его успел перехватить репортер, спросил ласково:

— Кто выиграл этот поединок? Ник Джекс или Стик Петерсон?

— Потерите, вы все скоро узнаете сами, — ответил Мотьял тихо.

На «летере» американец оторвался еще дальше и продолжал аплодировать уже третий круг. Публика бешувала.

Мотьял опять встал спиной к яме, снова надолго прикрыл глаза. Потом он глубоко набрал грудью воздух и резко повернулся. Не отрывая глаз, на нем селел Стик Петерсон.

Трибуна бедрам толчковой ноги, Виктор, как локомотив, понесся вперед и сантиметром на сэм выше перелезет планку.

Трибуны ахнули и притихли... Потом кто-то неистово закричал в ладоши. Зрители его не поддержали, им требовалось еще переждать это событие.

«...2.12... СТИГ ПЕТЕРСОН... ПЕРВАЯ ПОПЫТКА...»

Швед, а за ним нетр сразу же пошли к судейскому столку. Табло исправилось:

«...2.12 ВИКТОР МОТЯЛЬ... ПЕРВАЯ ПОПЫТКА...»

Мотьял встревоженно поглядел в сторону тренера. Тот ушел к судьям, тут же вернулся.

— Они пропускают, — пояснил спокойно. — Ты все-таки не хоронись...

Виктор прошел под тент, лег... Зрители повскакали с мест и начали истошно орать: с большим отрывом от остальных американец финишировал на «летере».

Его активно подражать, фотографировать, потом подхватили на руки и унесли. Трибуны понемногу утихли.

Мотьял встал и чуть-чуть попрыгал на месте. Потом быстро прошел к старту. Он не стал отворачиваться, а сразу уверенно побежал к планке и сразу оказался выше на те же сэм сантиметров.

Стик Петерсон прошел к судейскому столку и, показывая рукой на Мотьяла, начал что-то доказывать. Двое арбитров направились к Виктору. Приблизившись, они вежливо улыбнулись и что-то сказали по-английски. Тренер подошел тоже, перевел:

— Они просят показать старую шпинуку... Швед завыл протест. Он говорит, что ты поменял ее специально, у тебя там выдвигш...

Виктор изумленно покачал головой, молча снял шпинуку, отдал ее судьям.

Шпинуку опустили, измерили толщину полшпину: все в порядке — 12 положенных миллиметров.

— Окей, — произнес главный судья и перешел шпинуку Виктору.

Стик Петерсон пошел готовиться к прыжку. Ник Джекс вновь сделал каку-то отметку у судейского столка.

Швед настороженно проследил за ним, оглянулся на Мотьяла и пошел туда тоже.

«...2.14... ВИКТОР МОТЯЛЬ... ПЕРВАЯ ПОПЫТКА...» — в третий раз исправилось табло.

Стадион забурлил, заворочался — публика, видимо, обсуждала поведение соперников. Шведские зрители бурно зааплодировали своему Стигу за смелость.

Мотьял подошел к тренеру, произнес обеспокоенно:

— Они хотят, чтобы я устал... Пропустить тоже?

— Если ты сейчас прыгнешь, швед сэмомегад, — свалил тревор.

Когда Виктор в третий раз без гиревика пошел к началу забега, трибуны хлопками одобрили его решение.

— Нет, нет, — опять гадко улыбнулся швед. Мотьял, и не взглянув на него, встал на прежнее место. Потом автоматически повторил весь разбег и, уже гораздо тяжелее, вновь преодолел планку.

Ник Джекс — он до этого расслабленно сидел на траве под тентом — быстро вскопал и начал энергично разминаться. Следующую высоту он собрался брать.

Планку стали поднимать на 2 метра 16 сантиметров.

На первую попытку вышел швед. Он плохо оттолкнулся и грубо сбил высоту коленом.

Трибуны разочаровано выдохнули.

Как и Виктор, Петерсон поковылял с колпачками и возвратился под свой большой цветной зонтик.

Настал черед Ника Джекса. Неожиданно для всех он не дотянул сантиметром пятнадцать до места своего отталкивания и упал на высоту груди. Выбравшись из ямы, Ник Джекс недоуменно развел руками.

Тренер Мотыль прошел к месту рабага, возвратился к своему подопечному.

— Что будем делать? — спросил он тихо. — Я проверил, швед перешагнул в мои колыхни.

Виктор вскричал и ушел к Нику, сказал ему что-то. Ник встретился с Вояжником. Ник Джемс повел по рукам на прежнее место, а главный арбитр стал резко и настойчиво указывать Ститу Петерону в направлении выхода из сектора. Швед горячо оправдывался и не уходил.

Судья неутомимо указывал руки в сторону выхода. Наконец Стиг разозленно ступил к скамье и, захватив по мякучу тренировочный чехол, пошел прочь от сектора. По стандарту что-то объявил, публика тогда разглагольствовало задуло его мед.

Ногру не засчитали попутку, табло по-прежнему выставляло «...2.16. НИК ДЖЕМС... ПЕРВАЯ ПОПЫТКА...».

Джемс поправил колыхни, быстро прошел в заловку рабага и легко преодолел планку. Брители горно завыкриковали. Ник подошел к Мотылю, тронул его за локоть, скавая:

— Спасибо!

Виктор кинул ему в ответ и пошел на свою подопытку. Ваял Под аллюменты он спросил негра:

— Что будем ставить?

— А ты? — улыбнулся негр.

— Я хочу, чтобы тебе сейчас было хорошо! — скавал Мотыль. — А потом скажу я, идет?

— Идет... — ответил Ник и на пальцах показал — 2.20.

Виктор кинул и отошел к тренеру. Тот спросил:

— Уста? —

— Немного... — отозвался Мотыль.

Он сел на скамью и вытянул попутку ногой вверх. Тренер молча, сосредоточенно стал ее массировать. Виктор морщился, но терпел.

2.30 Мотыль опять встал с первой попытки. Тренер не удержался и неуклюже подождал его в шенку.

Ник Джемс вдруг вспомнил о золотом яростке, которое висел у него на груди, под майкой. Перед прыжком он было наклонился к нему и зашептал что-то. Потом долго, спокойно глядя на планку, начал несильно раскачиваться и, свалившись в яму, напряженно замер. Планка дрожала и неутомимо сползала к краю...

Дали старт мужской эстафете. На протяжении сектора секундомер поочередно задерживался и под оглушительный рев трибуны финишировал одновременно.

Негр встал себе в руки, нетерпеливо возвратился к старту. Он опять высунул из-под майки яростки и теперь уже повторил с ним подковылки.

Трибуны ахнули и напряженно глядели его прыжка.

Ник тенью скользнул по земле и, перекатываясь в воздухе, сразу же оборачиваясь, выскочил из ямы и победно поднял над головой руку. Стадион ликовал — планка осталась на месте.

Советский и американский командам после эстафеты прибавилось равное количество очков:

32 вбд

СПА — 169 СССР — 167

Виктор прошел к судейскому столу, возвратился.

— Сколько? — спросил его тренер.

На табло вышло:

«...2.24. ВИКТОР МОТЫЛЬ... ПЕРВАЯ ПОПЫТКА...».

— Заем? — Так вы не возьмете оба!

Мотыль спокойно ответил:

— По попыткам я у него уже выиграл.

Тренер улол, подолел негр, покачал головой.

— Много? — спросил Виктор.

— Угров... — покачал плечами негр. — Пусть. Ладно! — Он отошел.

Виктор побегал в планке — неудачно... Ник успокаивающе похлопал его по плечу и пошел на свою попытку. С кристиком он решил пока не разговаривать и попробовал прыгнуть своими силами. Тоже безрезультатно.

После этого пошел к себе самое. Ник, правда, задел планку в самый последний момент и, когда она упала, в азарте тут же побегал к началу рабага, чтобы прыгнуть еще раз. Это поспешно, наивыполнено, что задержало зрителя. Ник с трудом сошелся с судьями, сел на скамью.

Дали старт женской эстафете. Под протяжный вой стадиона наша бегунья финишировала на долгие секунды раньше.

Мотыль готовился к последней попытке. Он стоял и, как завороченный, смотрел на планку. С его участием лица стелили тонкие ручейки пота. Наконец он шевельнулся и отогнал правую ногу назад. И в этом положении снова окаменел. Затем вдруг отрицательно помогал голову назад в сторону.

Стадион чуть перевернул дышанье. Судьи тоже. Виктор лег на траву и, положив под голову руку, замер. В нем медленно проплыла белая туманная облака. Они дымались без счета, без числа. Они кипели и не горелись. Над Мотылем остановился тень, например:

— У тебя сейчас вылетит время...

Электрический секундомер равнодушно отсчитывал:

— 1.42... 1.43... 1.44... 1.45...

Виктор возвратился на прежнее место. Легко потряхивая руками, он несколько раз отпрыгнул выдохнул. Когда секундомер отсчитал 1.58, он победил. Секундомер тотчас остановился.

Потом я ему оглушили свист, ревел и топот, шорохались и кричали. Его отпугнули поглядеть вверх. Планка не шевельлась.

Продолжая сидеть в яме, Мотыль скавал подшепывая тренеру:

— Мне кажется, что все это длится уже вечность... Это только начало... скавал тренер. — Остался один, колыхни не жури.

Пройдя к тенту, Виктор свалился на траву и зачем-то вынул книгу. У него дрожали руки, он не видел ни одной строчки.

После женской эстафеты на огромной электрической доске светлосло:

33 вбд

СПА — 174 СССР — 173

Ник Джемс стоял спиной к планке, кидовал с кристиком. Его красивое лицо казалось сейчас бледным, изхудощавшим. Он встал победно, у самой рейки вдруг проскочил мино.

Ститу Петерону было явно плохо и потом неистово задулолка на своего фаворита. Виново улыбается, негр чуть пригнулся под эти крики и пошел обратно.

«...2.24. НИК ДЖЕМС... ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА...».

Ник Джемс переломался табло.

К сектору подобрался десяток кинооператоров, все они, как один, выжидающе нацелились на него своими камерами. Когда он побоялся во второй раз, аллюменты словарили застрекотало — как будто на поле выехал небольшой трактор. Ник Джемс опять передумал — резко обогнул старту...

Стадион чуть попухнул и настроенно зашумел. Ник Джемс ковылял на секундомер.

Вот он стремительно понесся к планке и слова бежал старту. Зрители теперь свистели в унисон, как один огромный разъяренный человек. Под этот свист Ник Джемс выскочил в ямный раз, мучительно глядя на планку. Потом вдруг отбежал в сторону, резко сбросил с себя шпиковую и снова окаменел посреди сектора...

Ник Джемс понадеялся оправка кинооператоров и фоторепортеры. Они на ходу прождали застрекотало со всех сторон, потому что для них это было куда интереснее самого прыжка. Тренер Джемс, разглагольствовав потрясен кулаками, начал отговаривать три сектора. Корреспонденты неохотно отступали и сигналы его тоже. Наконец вместе с судьями и полицией тренеру удалось выпроводить всех за барьер.

Ник Джемс уловился. Когда Джемс вновь надел шпиковую, свист прекратился — публика почувствовала в своем фаворите какую-то перемену.

Ник Джемс глядел себе под ноги до тех пор, пока секундомер не выскзал на себя последние секунды — 1.59... 2.00.

Он тотчас кинулся вперед и, переланил через планку, рухнул в яму. Под оглушительный рев трибуны он медленно заворочился и, не глядя на планку, встал в яму.

Потом вступила дилетантская шпиколь и, подлая растяпыннее руки, победил в поле. Не астрени никого перед собой, он круто повернул назад, понесся к судейскому столу, вынул книгу и начал читать.

Машинки, расслезавшие сел на землю. К нему подошел Мотыль, встал рядом. Негр глянул в книгу немущенное, счастливое лицо и долго молчал тогда.

«...2.00. НИК ДЖЕМС... ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА...».

Финиш. Вел... и протянул Мотылю руку. Тот помог ему подняться. Ник устал по-прежнему прочь из сектора. К нему подошла главный арбитр и спросил что-то. Негр долго отрицательно мотал головой...

Ник Джемс... Ник Джемс... Ник Джемс... поспешно начали раскалываться трибуны.

В это же время Ник поднял к публике утомленное лицо и опять отрицательно помогал головой. Потом, словно испуганным, обернулся к прыжковой яме.

Встал в яме на место...

К Мотылю подошли арбитры, что-то спросили. Тренер пояснил:

— По попыткам ты уже выиграл... Удешь ли продолжать соревнование?

Виктор отстал от него.

Публика теперь внимательно присматривалась к каждому его движению и, заметив этот кивок, возбужденно зааплодировала.

Виктор отстал от него.

Мотыль поднял к судьям голову, скавал громко:

— Какой же смысл его повторять? Поставьте на санитарный вышке.

Тренер перелез эту фразу, арбитры с уважением покачали головами и удалились.

«...2.24. ВИКТОР МОТЫЛЬ... ПЕРВАЯ ПОПЫТКА...».

Виктор стоял перед планкой и впервые в жизни точно знал, что он ее преодолеет. Это был именно тот момент, который судья бравое речко, но посылает человеку — в награду за годы неудач, терпения, пусоты, отчаяния и бешеного труда. Мотылю впервые на много лет стало хорошо и смело спойкою. Он хотел продлить в себе эти ощущения подольше и поэтому все стоял перед планкой, хотя мысленно уже давно был по ту ее сторону.

Именно так и случилось. Рейка лишь чуть пострекотала на стоекках и установилась.

После этого к нему бросились все, что оказались рядом. Но теперь вояремья вменялась полиция, и репортеры не решились на попытку вояремья.

И только когда четверо арбитров, согласно правилам соревнований, набрали заново перемерили высоту, трибуны утомились.

Арбитры перемерили и перемерили высоту сектора. Это, зрелище привлекло все. Наконец, один из судей пошел к Мотылю.

Мотыль перестал улыбаться. Арбитр приблизился и, не глядя ему в глаза, скавал что-то. Мотыль Джемс сразу что-то возмущенно доказывать ему. Мотыль некогда время беспокойно переводил взгляд с одного на другого.

— Что они хотят? — наконец выговорил он. Тренер отстал от него.

— Они говорят, что высота оказалась на три миллиметра ниже.

Мотыль опустился на скамью и стиснул лицо ладонями. По стадиону что-то объявил, публика ахнула и оглушительно заволавы ногами. Арбитры опять скавал что-то.

— Согласно правилам, тебе засчитывается только 2.28... — перевел тренер. — Спрашиваю: достаточно ли тебе повторения прежнего мирового рекорда, или опять поднять планку на сантиметр?

Тихо, уставало Мотыль ответил:

— И еще на три миллиметра... На всякий случай...

Планку устанавливали в абсолютной тишине. В это же время он слышал, как вместе с планкой сбил старту. Трибуны молчали. Ник вдруг пошелся под тент, пригел на траву. Над ним остановился тренер. Мотыль скавал ему тихо:

— Я уже даже не потею...

Тренер не нашелся что ответить, отошел... Чуть погодя Мотыль снова поднялся и расслабленно направился к старту. Долго глядел себе под ноги... Поднял... Но, оттолкнувшись, не стал перемариваться вокруг планки, в секунду упал на нее и, скривившись, ухватился за траву стоту.

К Мотылю победили. Он поспешно вылез из ямы и сам поковылял к скамье. Тренер Мотыль, улыбаясь, подошел к нему, выкрикнул:

— Свело... Ничего страшного... Свело ногу!... — Он молча, осторожно стал поглаживать ему все голену.

Мотыль прыгнул главу и ждал конца судорожного судорожного вояремья.

— Домой охота травиться... —

— А мне никак... — негромко пожелал тренер.

Мотыль вновь встал в начале рабага. Мачи был вытравил, ему была нужна собственная победа...

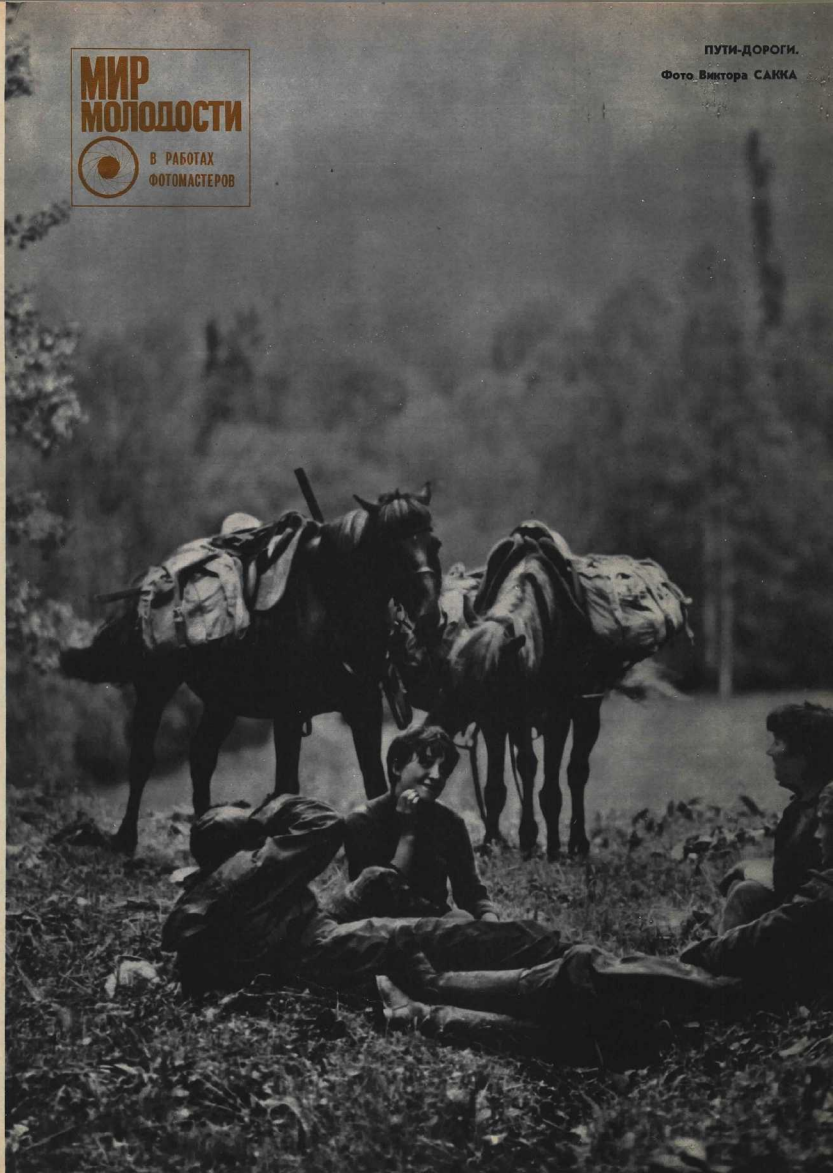
**МИР
МОЛОДОСТИ**

В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ

ПУТИ-ДОРОГИ.

Фото Виктора САККА

Глава 6

— Ты поешь, Игорь, поешь,— уговаривал Дюкин, подсовывая Лыткину крышку от котелка с бурой жижицей рясотелого супура.— Поешь без пятнадцати совсем сил не будет.

Лыткин лежал, давя голову в слабые стелби вороничника. Дыхание его было слабым, и тело раз за разом выдвигалось, выпиралось в бессилах потугах чужого воздуха.

— Вот ведь оказия,— оторчался сержант.— Не ест он супура!..

Дюкин тригнул вешевой земпох. Глухим стук котлованов банки с трюковой стальной.

— Одни консервы останутся... Двенадцать банок...

— Лыткину легкую пищу надо, а где ее взять? Конечно, тело у него молодое, крепкое. Оно от болезни выпаривается... Старший не видит, Кобяков? Должен уже быть...

— Не видно,— откликнулся Ленька, джавший в кустан с карбином выноготура.— Может, слушалось что с ним, товарищ сержант?

— «Слушалось»,— сварливо передразнил Дюкин.— Что лыткому поутеу мешель? Ты от наблюдений не отлежался... Подкайти к нам наутру, тогда будет по всем статьям изменна... Старшина в бухточке, наверное, все высмотрел... Считаю, что наше дело сделано.

Вчера вечером «Чайна», получив очередное донесение, приказала «Бельди» готовиться к высту. Прутья сержанты должны были отойти к берегу и ждать подхода мотобота. Сигнал — две зеленых вспышки, ответ — три красных...

Самое лучшее было уйти из перекри сейчас, еще утро еще не набрало силы, когда земля, обитая лавцем первого расвета размазывала контуры скал, камней, кустов и гранитных раселин.

И Гнеушев не возмущался, и Дюкин с каждой истонкающей минутой тревожился все больше и больше. Без старшины от перекри уйти нельзя, сидеть же в неизвестности, как они сидят сейчас, было уже хуже. Однако просто дождаться и до обвала, который накроет их в кустан, как куропаток.

Сержант лег рядом с Кобяковым.

Ждал Павел Дюкин, что у него пот спална. Так природа повернула, что даже подергивались. Старший, Анастасия, уже пятнадцать суток. После войны, глядящи, и светы заявляете. Дюкин покосился на труду валунов, под которыми упомокали. Забыл и подумал, что мало девкам останется женихов. Сколько их на войне убивают. И пожилых и совсем молоденьких. Вот таких, как Ленька Кобяков. Они еще стрипчибрились не начали, склад их тела сколоты в сырную землю без всякой защиты. Катерина пишет, кому в Лакте похорожи приходат. Дюкин сначала держал вех в памяти, а теперь уже со счета сбился. Написал передать поклон Ефрему Кудюмину, а его уже три месяца в живых нет.

Ладная Настенька девушкашка. Липо крупленко, и телом всякая и характером. Волосам мажине, словно чешуйчатые лезв и на щеках змучена... Второй, Саньке, десятый год новела. Ты покалится нельзя. От горшка два вершка, а что зарубит на ум, ты хоть ее наназану извержен, на своем слепоту. Тыжее, как же змучена, да еще мажине, сырое ее тело. На войну уходи, в зыбле начался, пуганя пугаска.

Катерина как там? Пишет в каждом письме, что жила в коридоре, все на чужах змучена, и вам желаю... Знает он, какая у Катерины «жизнь хорошая». Бывало, он, матерый мужик, на работе до зеленых кружинок в глазах ломался, на слезе на лоджанию падал, салопи снить сил не хватало.

Теперь его работа свалилась на Катеринины плечи. Сладкая рыба — есмущка, но добыть ее великий труд мужик. Сейчас у них самая путинка, а славный ход, кроме этого, до дому, по хозяйству дел невпроворот. И топкой надо запастись и ослежу-обуку к зиме приготовить.

На часок бы хоть домой пошел. Одним глазом бы взглянул, потом снова в лагерь, в москву. Не за тридцать земель ехать. Всего полторы сотни километров будет до Вороньего поля до

Михаил БАРЫШЕВ

ПОВЕСТЬ

рыбачкой деревни Лакты, где родился и вырос Павел Акимович Дюкин.

Худши солдаты здешнюю землю, а Дюкину она была мильей любой другой на свете. Вот эти скалы, гранитные уступы, заросшие вороничником, кусты полярных берес, ослепшие ребинки на солнечных пригорках. Моховые болота, каждой весной украшающиеся кипенью тушицы, кочки с желтыми звездочками спелой морошки, полярные маки, разнотравье камылонок на ослетах.

А главнее всего — море. Оно было здесь начало и концу всему. Два раза в сутки приливало к берегам, носило на себе карбасы, мотобота и траулера, наступало в глубинах свистом косогой рыб. На море здесь жили люди, и многие из них кончали жизнь на море. Про них так и говорили: «Море убило...»

С малолетства бегал Пашка Дюкин по тучином вот скалам, кулялся, едва сходила лед, в безмяннотных озерках, похожих на то, что виделось сейчас в полукилометре от перекри...!

Пришло время, возмужал Пашка и одиждити полярным вечером, когда без захода катается по небу солнце, прошел руку об руку по песчаной кромке отлива с соседней девушкой Катей. У нее были светлые, как лотие северное небо, глаза, тупевая коса и широко сильные бедра. От ее торжаниого смеха у Пашки стискивало дыхание и шекотно становилось между лопаток.

Строгие порядки были в Лакте: провед лодкутик под руку на глаза у людей — вот ты и жених. Но свадьбы Пашка ни разу не осемлялся поцеловать суженую, зато потом щедро отплатил его Катерина любовью.

Построил себе Павел Дюкин дом, окнами на порожистую реку, и стал, как все в Лакте, промышлять рыбу.

Разве думалось, что кто-то позарится на его простую, в больших трудах жизнь. Но пришла ладная година. Сель бригадир осемляющей бригады промышленный желтый рокак, отрожал пропалую вечернику и отправился на войну.

«Убьют, как лодкой на возвращаешь» — торжкая шуткой проходила его Катерина. Не положено было на людях плакать поморской женой. Ночью в одиночку исходила она горем. Причитала в голос и заламывала руки, прижимала к себе малолетних дочерей.

Выпалася, напормила груду Тамирку и пошла на колхозную работу...

— Не видат старшину,— повторил Кобяков. В слове Леньки слышалось недоумение, тревога и вопрос. Поляя сержант, что ждет раднее его решений, недоумевает, почему Дюкин не лежит рядом в кустан.

— Вот так, значит, Кобяков... В бухточке я пойду, а ты тут меня жди. Если случаем егера навалится, примный бой. Мы с Гнеушевым на подмогу подемеем... Тут дождайся.

Замолчал, моргнув рыжковатыми ресницами, поспешно ушапку проделывая!

— Все равно тебе с Лыткиным от немца не

убьют... Ты его водичкой полей, а оклемаете, сужарков дай. Он вон в уполос поставлен, папоротником прикрыте.

Егера сержант увидел неожиданно. Спрыгнул с очередного уступа, он едва не выскок на арты. В двух шагах сплыв к нему на валуном горбился алдоревный фриц в зелено-зеленой шинели с подбитым вороничником и в халобульеной шилоте.

Прежде чем егера повернулся, Дюкин выхватил финку, и острая сталь по рукояти загнулась в суюно чужого шнели.

Что-то негромко хрустнуло, и егера завалился на бок. Не вскинувшись, не сделав ни малюго движения. Пож твое удавление легко шонел в тело, и на спортивный шнели не покосалось и пятнышка распрости.

Дюкин вырвал финку и только тут сообразил, что за валуном было приотречено чужое. Старая шинель с разорванной полой, набитая мхом и комками распашающегося в палдах торфа. Пучок березовых веток торчал из воротника, и на него было нахлобучено шилоте.

«Кукла»,— растерянно подумал сержант.

Разведчик добился уларом ножа манеж и пристроил его на прежнее место за валуном. Отполз в сторону и принялся, что чужое поставлено с таким расчетом, что его обязательно должны были увидеть от овера.

Вот тебе и загонялина! С чего это егерам вместо настоящих дозоров ставить чужа?!

Что-то тут не так... Скутучо бесполойство раздалось острой, но размишлат было некогда. Надо скорее добираться в бухточке.

Приметя на пути еще одного шилоту за камнем, Дюкин не стал, как раньше, гнетаться, а залег, приотрелся и сплонул от злости. В камнях опять была приотречена шинель, набитая всякой дрянью.

Думает же их егера! А они тоже, разведчики называются. Как малыши, с коды залотинута на шнелику и дали водить себя на коротком поводе. Наверное, и с песцом, подкунытым Лыткиных на шнелику пале, все обонюло словочно, потому что егера не хотели до времени трюксити, грушу. Пусть, мол, развалывают себе на здоровье, донесения по рации шеряют...

За покотой, изрезанной шелями солпкой трототури, раскаталась, приуконокая на несколько мтиговений и устоячио заступали очереди.

«Гнеушев»... халстудна тревожная мысль. Дюкин пытался услышать в стрельбе привычный гулостый голос шилота, но в перекатах эха ничего нельзя было сообразить.

Когда равнуло несколько гранитных взрывов, сомнений не осталось: старшина попал в беду. Обитат солку окумуничав, тутум пошариваться в бухточку теперь уже не было времени. Сержант двинул напрямик.

Сам того не зная, Дюкин вышел к гололобю. Едва скале, где ночью засел Гнеушев. В ясном свете утра бухточка была перед Дюкинским как на ладони. Одинокая землянка, где неуютно топтался часовой, вслушавшаяся в стрельбу, под скалой повесила кухню с толстой черной трубой. Вокруг землянки был штабелек дров, а у кушки Дюкина не увидел ни одного

попешка. И повар около нее не топтался, хотя время подходило к завтраку, не суетился даже вильные, никто не подходил к котельням. Как же так? — Кулак!

Сержант попола в ту сторону, где гремели автоматные очереди, но отвесная скала преградила путь. С полчаса Докукин лазил по гранитным скалам, исследуя возможные выходы из укрытия автоматов. В ту сторону овики пока не было. Докукин уже было решил идти берегом, но стрельба в скалах обрвалась. С четверть часа сержант ждал, что снова знакомый рожок появится.

«Неужь все?» — обреченно думал Докукин. Потом он возвратился на скалу и оттуда увидел, как двое егерей приложили Гнеушева и вывели его за пределы зоны досягаемости по опрыскиваемым рыбками серебряных потон.

Рука сама собой потянулась к граните, но разум остановил бездумное желание. Гранату не допустить в удобной оверлоуе автоматов, а скалы тоже не достать врагов, тесной кучкой обвисших непоколебимого старшуну.

Открыть стрельбу — выйдет пустой шум. Егеря выползали и кинулись дойти Докукина. Теперь сержант имеет право поблизить в западной скатине. Он должен сообщить «Чайке», что в другом месте надо искать ударный брифинский кулак. В другом!.. На Вороньем мажорекет, всего десятка два егерей и наберется...

Надо было немедленно уходить к пещере, передать донесение, отовдаться в береговые скалы оверлоуе автоматов, в которой так неожиданно оказался Павел Докукин.

А он лежал на шершавом, еще не отгладившем ночной колоты граните и смотрел на егеря, суетливо гомонивших воле Гнеушева. Докукин не мог помочь ему. В этом сержант обвалил себя бесощадно и жестоко. Понимал, что на войне случается так, что и сотня иной раз не выручит одного, но невысказанно было видеть, как на глазах гибнет товарищ, такой же, как Докукин, живой человек, командир. Он же ждал помощи, надеялся, до самой последней минутки верил, что помогут, защитят, обернут. На что ска бланше прийти — и ушел бы, а теперь...

Снова обдумал план. Надо было выслать из котуры, и под скалой удерживать. Слабый слух, отрезнивший сержанта.

Павел Акминовский сузил в карман гранату и побежал по скале. Теперь он торопился. Гнеушев еще не встал, а Коблик и Лыткин в счет не идут. От него, Павла Докукина, теперь зависит все. На его совета будут сотни неуужных смертей, если он не успеет сообщить «Чайке» самое главное донесение.

Вот уже беда какая навалила! До сего все дождя Павел Докукин и так обдумывал... Ничего, еще можно послать донесение. Надо только скорее поспеть к пещере, и Коблик в момент развернет свою машину. У него это легко получается. Дернет стержень антенны, щелкнет раз-другой рычажками и начнет сыпать ключом, как горох о стекло...

Докукин сжался в уступок, перерывничая черед выстрелов, карабкался по скалам, вылезался об узловатые корки березы. Пер напролом. Не скрывался, не думая, что его могут приметить.

С лица другого катился пот, сердце ошалео колосом, и суетился было развалиться по ребрам. На минутку-другую Докукин разрешил себе остановиться, перевести дух, хоть немного унять колоты в груди. Затем снова началась сумасшедшая бег по скалам.

Скорой Торопился, Докукин! Спешит, сержант! Успей сообщить «Чайке», что узнал, что увидел весточками глазами... Успей, голубчик!

Но не все дозоры были замечены. Когда Докукин одолевал склон оверлоуе скалы, ударил туманец. Учредил раскаты сержанта на камнях. Пришлось отползать за валуны и обходить сопку.

На этом он потерял полчас.

Менцев разведчик увидел тогда, когда подошел к спуску в ложину, на которой знакомое светело оверлоуе.

Сержант прилежал к камням, разглядывая, как по скале, растаивающим гуском, идут шесть егерей в камуфлированных костюмах. Облава! Наверное, будут прочесывать каждую ложину, заглядывая в расщелины, рысаяк по уступам, простреливая автоматными очередями ерихи и берзовые кусты...

Докукин усмехнулся нелепой облаке. Какая там, к лешему, облака, какое прочесывание? Он же теперь знает, что на Вороньем мысу всего

полтора-два десятка егерей. Шестеро или сеицек по скале, наверное, столько же сидит в редких доорах и обитает в бухточке у землянки вместе с офираири. Вот и весь немецкий гарнизон!

Егеря уверенно спускались к озерку. Они не распалился, как ожидал Докукин, пещеркой, не шарился по валунам, не протреливал кусты. У озера передний начал выбираться взрывом, но один из идущих остановился его и показал рукой на заросли березок, прикрывавших подходы к пещере.

У сержанта зашевелило в груди. Он понял, что егеря знают, где укрывался разведгруппа, и идут наперевали. Видимо, засекли еще раньше и сознательно не тревожили разведчиков. Так, как ожидалось, сержант начал выдвигаться вперед, но один из идущих остановился его и показал рукой на заросли березок, прикрывавших подходы к пещере.

Докукин ошалеел. Если бежать сейчас наперевали, егеря заметят его и огнем протреливают дорогу к спятившему камню березовых кустов. Один-два затеют перестрелку, а остальные тем временем доберутся к пещере и накроют ребят...

Вот и скалы, надо опять влезть вверх, забираться до вале, в скалы, подходить со стороны каменной оверлоуе.

«Коблик-то!.. Коблик чем рот развезти?! Неужь не увидят, что егеря идут прилетком к пещере? Накроют ведь тепленьким выжум, без выстрела... Может, Ленка вонзится с Лыткиным, водой его убит, уговоривать сухари съест и ничего не увидит... Может, сможет он устоять на задних ногах, выдержит ведь полчок, как Ленка и Докукин нет пердык. Сержант к таким делам привычный, и у него от солдатовской работы руки-ноги дрожат, и все косточки стонут. Пришло сопливно, и сморкло ира. Тут ведь на минутку глаза закрыл — и бабам!

Ну что же ты, Ленка! Стрелять же надо, бой принимать...»

Слова отблескивали на эти смятенные мысл, в зарослях березок шум хлонул заребани. Раз, второй, третий... На подлему ей совсем уж неожиданно застрекотал автомат. Лыткин оклемался!

Лыткин в ложине заметался, залегил под кочками и густо сыпанули ответными очередями.

Ленка ожидал возвращения Докукина, а увидел впереди себя. Впервые в жизни Коблик увидел врагов не в кино, не распоснанными, но курыми «лытками», а навалу. К нему шла лодка с автоматами винтовотку, с гранатами, с ударами по рывкам. Шли, чухали бой. Ленку, Лыткин, сержанта, всякого русского, который попадется на пути...

Когда егеря круто повернули и стали спускаться к озерку, потерялся и сплестившаяся мысль, невостановивая видоказ: «Может, протреливают... Может, стороной пройдут... По деловой теоретии, с которой егеря спускались в ложину. Ленка понял, что идут они к пещере и идут наперевали.

— Игоря! Игорь же! — Ленка тряс Лыткина за плечи. — Немцы! Немцы подходят!

— Вошь мне, — бормотал Лыткин. — Грудь болит...

— Егери! Сюда идут... Шестеро... Ужик у озерка... Убьют же нас!

— Убьют? — с прищепотом выдохнул Игорь и стал подниматься. Как оверлоуе? — Егери! Сюда идут! — закричал Ленка. — А то в плен попадем... Подходят же егеря, а сержант лет и старшуня тоже...

— Где они?

— Не знаю!.. Не знаю я, понимаешь! Старшуня и немцы идут к озерку.

Игорь выпола с автоматом из теперки и лег в зарослях березок.

— Уходить надо... сказала он Коблику... Вверх по мысам забираться. В камнях не найдут... Уходить надо...

— Не влез! Докукин уходить... — окосило ответил Ленка, разглядывая собственную смерть, не спеша подбирывающую по моховой изине... — Не влез!.. Сказал, чтобы едем мы его дождаться... Немцы придут, так скавал, чтобы бой принимать... Они со старшуней услышат и на помощь придут...

Торопливо передергивая живот, Коблик вылетел по егерям первую обшубу. Потер ледчо, залез под камень, протреливал, стал перебарывать матанги. Игоря начал бить из автомата длинными очередями.

Егеря слышали в ответ. Пули сбивали ветки, докали о камни, залетали в пещерку. У Ленки

уже было прострелен рукав шинели, и на стенке дюралевой лыжня рацки, которую он держал рядом с собой, яврут затемнен дырки — акуратные отверстия. Рядом кануло в щель невидимого удара, и внутри бракнуло стекло.

За спиной затрещали кусты. Ленка крутанулся вправо, но в пещерку вместе с сыпанувшимися камнями скатился сержант Докукин.

— Рацку, Коблик! Немедленно разворачивай! Да скорей же ты, чего вынахивай?

Ленка вынахивался, похныкивал, разменяв радио и напудрал было штырек антенны... но на гавне попалась акуратные дырки на дюралевом боку.

— Во!..

— Чего во?.. Скоро разворачивай!

— Дамы дай, товарищ сержант...

— Как разбит? — унашим голосом спросил Докукин, и глаза его стали седесть. — Как это так? — разбит? Ты чего мне мешаешь?

— Дамы дай, товарищ сержант... Она стояла тут, а е стунуло. Вот, глядите, камне дырки...

Ленка повернул радио, и Докукин тоже увидел акуратные отверстия на дюралевой стенке.

— Дамы дай, товарищ сержант... И выходной трансформатор, навалу тоже...

— Не уберет, значат, радио, Коблик, — с укоризной и растерянностью сказал сержант, и щека его дернулась, словно Докукин укунул лезвием вонзился в шею. — Не уберет, значат, радио, Коблик, — с укоризной и растерянностью сказал сержант, и щека его дернулась, словно Докукин укунул лезвием вонзился в шею. — Не уберет, значат, радио, Коблик, — с укоризной и растерянностью сказал сержант, и щека его дернулась, словно Докукин укунул лезвием вонзился в шею. — Не уберет, значат, радио, Коблик, — с укоризной и растерянностью сказал сержант, и щека его дернулась, словно Докукин укунул лезвием вонзился в шею.

В кустар егерей рассыпалась очередь. Сбитый стучок танюса в лицо Докукина. Сержант отмахнул его, вырвался и стал прилаживаться к автоматом.

— Нет егерей на Вороньем мысу, Коблик... Вот только эти, да еще с десятком в бухточке и на сопках наберется. А мы здесь целую армию насчитали... Нет егерей.

— Как же так? — ошенил Ленка. — Мы же сообщали...

— То-то и оно, что сообщали... Теперь вот надо другое сообщить... А как? На лыжах, что ли, показывать?.. Радио-то погубили...

Сержант говорил устами и разговаривал голосом. Но то, что немцы, напоследок раскормили радио, казалось ему теперь тоже частью их двояльских хитрого плана.

Данной очередью занялся рядом автоматов.

— Окороги, Лыткин, чье было толку слышеть? — одернул Докукин разгорачивающегося разведчика. — Патроны надо беречь... Хорошо, хоть автомат гомал устал. Вышь, товарищ, куда забрался! В камешки короват...

Прицельным огнем сержант прижал в болатине двух егерей, стремившихся проскочить в валунам.

Успешая, что в ответные очереди вылился еще один автомат, немцы снова замешкались.

— Кусули тороячково!.. Не по ноуу нам такие дель, — ато скавал Докукин, перебарывая маганги. — Иди ты, тороячково, Игорь?

— Могу товарищ сержант, с готовностью, словно он ожидал этот вопрос, откликнулся Лыткин. — Полегало мне... Всправду, с утра ползало... Могу идти!

— Могу товарищ сержант, с готовностью, словно он ожидал этот вопрос, откликнулся Лыткин. — Полегало мне... Всправду, с утра ползало... Могу идти!

— Можем, так можем... Хотя тут полече будет...

— Опять вперед ползут, товарищ сержант! — Ленка опять ползлут. Тут же Коблик, спуская егеря, наводил пистолку, от шестерых кто бы отбежал...

В голову вернулася аспесть, пришел грязный практический расчет.

— Берое дело надо ребята, сообщить, что никакот не прекращается немцы на Вороньем мысу нет... Сегодня я только во всем разобраяс. Как к бухточке прошел, так мне и осветило. Дооры, что мы на сопках вилые, так это же чудесно! Скавал шинели, котом ира, сержант пина тоже, вилые, все соорбавл, вот его и не выпустили из бухточки. Ну и намешл надежностей решили прихлопувать... Понимаешь, Коблик...

Понимаю, — шепотом, будто приперым тайлу, ответил Ленка. — Как же товарищ! Передавали ведь мы...

— Ложно передавали... Случай меме, Коблик, — сказал сержант. — Не надо сообщать сообщение в роту надо своим духом доставить. Надо же живым дойти и обскавать товарищу заштупау все, как есть на самом деле...

Докукин замолчал. Скоиси гавна, увидел на прижженной профиль Ленки. Сжедал...

блгитурки произнесла первую фразу: «Мне трудно начать...», — и кто-то из членов приемной комиссии предложил начать воду — выходя, эта девушка из Перми выдвигает пера авторитетами столетия Оамма.

Но экзамене в школу-студию МХАТа Нина Короткова читала отрывок своей любимой роли — монолога Алии из «Давыды Аропки» Алексея Арбузова. Выбор отрывка инициал доказательно страшным: поступающие обязательно читают классиков — Бюшье, стихотворения, совсем недавно вышедшие в свет, — и не в последнюю очередь, когда холодает от страха, ожидая, что одно слово часа в узких студийных коридорах, уже было много раз, сыграно в настоящем театре. И перед членами приемной комиссии представляла Нина то генеральской дочкой из пьесы Островского, то персонажем традиционных водевилей, то героиней современного спектакля, за пять лет учебы и работы в Пермском драматическом театре ей довелось переиграть десятки ролей всех плазов и амплуа.

Почему же снова студия? После профессиональной сцены — снова на студенческую сцену!

мса в первых студийных ролях Нины Коротковой? И еще мешала внешность: Нина как будто была создана для ролей развитых девочек и традиционных водоевальных сюжетов. А у актрисы была давняя мечта — сыграть Кисею в «Оптимистической...».

— Значит, театр — это еще из детства.

— Нет. Неважное детство было у Нины. В семье, где рано умерла мать, оставшись шестеро детей, Мамашиной и дедушка Пелевья — Пермской области. Три раза в неделю радует ребят кинопередвижка, а после сеансов прямо на улице «Нинка-гротиска» перешагивает в Маршак. «Скорее перестань», криковала известная актриса, «иначе» догнать вас за них роли...

После окончания школы инсталлятором была в лагерьном лагере, затем в шестом классе — не хватало педагогов. И хотя некоторые ученики ростом были заметно выше ученицы, она звал ее лагерьном лагере, детально «ручיתה-шюнкере», Нина увлеченно звался за работу.

— Тогда-то в мою жизнь и вмешался впервые случай — вспоминает Нина. — Местная газета сообщила о приеме желающих в Пермскую театральную школу. Конечно, я мгновенно

оправил «французскую», «французскую» Дниеву XVIII века. Но пока не Союзаны, чей образ так важен для общей атмосферы спектакля.

И не одной из пяти претенденток на эту роль стюди и экзаменаторам Пучечки Валентин Николаевич Пучечки не может окончательно остановиться свой выбор.

Значит, к какому актеру для успеха одного таланта мало. Можно полагать работу над ролью, но не встретить своего режиссера. — убежденно говорит Нина. — Когда я пришла из Перми в Москву, сразу мной не отдала от девочек «Современника». Но не пойдешь же сама показываться: «Посмотрите меня, пожалуйста», Омет Николаевича Миче поговорила. «Спроси режиссера и встретил в мотовской школе: это Евгений Радомысленский, человек большого таланта, добротой сердца и поразительно тактичным. Нам, студиям, он сумел привить главное: умение создавать свой образ в условиях жесткого режиссерского контроля, умение мыслить самостоятельно. Когда мы шли к шпексу Радомысленского, когда в наши действия включался прекрасный для меня репертуар студийного, «Фигаро» пригласил в Москву Евгения Габура. На сцене Театра сатиры ему предстояло сыграть графа Алмавыда — великого

на субрите французской комедии. Сказов дуканство и порывистость молодости чувствуется глубокая личность. Незаурядная натура сметливой креслянки, до озорства безстрашной дочери своего народа. «Фигаро в рубчике» — подосада новую грань этого характера Станиславский. Именно так Союзана в исполнении молодой актрисы.

А тут уже режиссерский акцент на карнавальном начале комедии Бомарше. Эпиграф к пьесе: «Кто в веселом представлении заключает урок...» — воспринимается как «указание к действию». Главное в студийном спектакле — демократический пафос пьесы. Нина спевается — свободно. Свобода каждого участника этого представления на импровизацию. Отсюда и новое толкование ролей. Союзана — не просто пугающая служанка и выходящая графиня. Тем более, что в спектакле отсутствуют и замки, и сады, и великолепие костюмов: есть просто фургон, который в момент представления превращается в лоно героя. Есть шпексу, которые они вытаскивают в сцену, выстраивая полную действия. И графиня восседает на троне, а графиня — графиня берет графа прямо у фургона. Все эти необходимые детали для прочтения

Надежда ЖЕЛЕЗНОВА,
Мирслава МУРАЗОВ (фото)

И самый неожиданный из всех вариантов ответ.

— Это все из-за футболка.

... В то лето несколько молодых пермских актеров — на редкость дружная и активная группа — отправилась в отпуск в Москву на матч СССР — Бразилия. Все говорили о матче, в котором участвовал сам Пеле, а в московских вузах тем временем начинались экзамены. И хотя собралась в Москву, Нина была убеждена, что единственная победа Пеле, а в московских вузах тем временем начинались экзамены. И хотя собралась в Москву, Нина была убеждена, что единственная победа Пеле, а в московских вузах тем временем начинались экзамены. И хотя собралась в Москву, Нина была убеждена, что единственная победа Пеле, а в московских вузах тем временем начинались экзамены.

«Чем больше работала в театре, — вспоминает теперь Нина, — тем чаще казалось, что надо еще многому учиться. Метода московских студий, о сцене московского театра. Вот и рывкнула...»

Если же вернуться к строгой классификации фактов, то Нина в дни своего отъезда без подготовки получила задание экзамены в два лучших театральных вуза Москвы и в обоих успешно прошла испытания.

Первое это ее впечатление. Но после первого курса Нина усматривала: «Вы не понимаете школу МХАТа. На втором уже сама она, смешивая и оптимистичную по натуре, стала видеть в отчаянии: некогда после ролей героинь возвращаться к элементарному этому, некогда чувствовать напряженное дыхание педагогов. Пришло понимание, как еще в коридорах театра, перед экзаменом, кто-то из многоопытных абитуриентов, узнав, что ей уже двадцать, «добил»: «Старовата да ты студийка...»

В общем, можно понять и сомнения педагогов: ведь уже вывелился актерский характер, как предельно его, как бы не хотелось, но хотелось — сказыва-

но оказалась в их числе, так толком и не зная, что же это такое — театр. — И вот так же как и раньше, так и теперь. На экзамене снова прочитать только стихи Пушкина. Суть слова «эпоха» узнала впервые в коридорах театра, а в театре — в театре.

Почему меня приняли? (Вообще самопризнательности Нины и ее умение поддучивать над собой, बात сама же студия своим критиком можно только похвалиться. Но от нее — от ее друзей и педагогов знаю, как трудно давалась ей первые месяцы учебы в Перми, как напряженно и жадно постигала она традиции актерской культуры, читала за ночь, долгие дни проводила в театральной галерее и в местной библиотеке. Как истово, с полной самоотдачей относилась к самой невзрачной роли... Может быть, здесь корни ее сегодняшних «легких» успехов на сцене?)

Рассказ о Нине Коротковой можно было бы начать с ее успеха — с того дня, когда озарительно-намециально, долгий жизни обаяния, дуканство, все пороки молодости, несовершенство совести и сердечности, представила она перед московским зрителем на сцене Театра сатиры в своем дебюте. Это была роль Союзаны, известна и остроумная сочинщица Фигаро в спектакле «Безумный день или Женщины Фигаро» Бомарше.

Справедливо утверждать, о ее большом успехе в этой роли — только так начало было бы не совсем справедливым по отношению к самой Нине: оно зачеркнуло бы тот большой труд, который она проделала, шла Нина Короткова к этой роли.

Покажу, это началось с тех бесположных дней, когда в Московском театре сатиры уже полным ходом шла работа над новым спектаклем. Подобрав блестящих актерских ансамбль, готовя «конструкция» спектакля, работа над сокращением его восхождениями на сцене — наших

коррехтора Адамушки. У него и родилась идея посмотреть меня в качестве претендентки на роль Союзаны...

И еще один прекрасный день. С дождем и снегом. С сомнением и иезитивом соблазна, Нина была в роли Союзаны, а в театре — в театре. С дождем и снегом. С сомнением и иезитивом соблазна, Нина была в роли Союзаны, а в театре — в театре. С дождем и снегом. С сомнением и иезитивом соблазна, Нина была в роли Союзаны, а в театре — в театре.

(Нина Короткова не рассказывала мне о том, что я узнала только из этой репетиции закончился аллюментациями всех, кто сидел в зале.)

В спектакле, почти готовый, Короткова ввела все за два месяца до премьеры. И более того, в жесткие репетиционные сроки она сумела в то время. В те же самые дни молодая актриса работала над той же самой ролью в том же спектакле школы-студии МХАТа. В этом смысле успех молодой дебютантки и безидентичности ситуации заключался в том, что Нина предостояла создать два совершенно разных образа героини, в двух разных по режиссуре работах.

Театр сатиры за интригой, искрящейся весельем, за изысканной композицией бесценных переиначив раскрывает режиссерский замысел спектакля Бомарше. «Сорвать с пороков англичан». Выставить пороки во всех их лицах — это слова Бомарше — ключ к режиссерскому замыслу спектакля Союзаны — Коротковой пластично и естественно вписывается в праздничный спектакль, в ритмы музыки Моцарта, в изысканную форму рождока графского народа. Но пера нине не традицион-

спектакля Евгением Радомысленским. Атрибутика карнавальная стюки определяло режиссерскому тональности спектакля — мир, в котором волю импровизированной студийки, теперь уже ставшие актерами столичных театров: Нина Короткова, Екатерина Грелова, Алексей Левинский.

В студийной работе «интрига» на втором плане. Главное — визуальный мир героини. Пластичность ее чувств. Духовный покой и ясность Союзаны, которые так манят и заставляют сопереживать Фигаро и Алмавыда. Нина Короткова вновь демонстрирует зрителям сильный характер, истину страстную, но не дуканую и проказливую. Ее Союзана — воплощение женского начала. Тугубина ее любви к Фигаро, непокаянная нежность, верность любимому — вот ее кредо! Краски в этом образе живые, приглушенные, тем в блестящем оформлении фееричные спектакля Театра сатиры.

«Ну, что же! — скажет читатель. — Прекрасное начало. Два успешных действия в год! И правда, здесь можно было поставить точку. Заключить рассказ о дебютантке Коротковой, фамилия которой все чаще и чаще появлялась на афишах театра. Но тогда за предельно расказа оставила характер самой Нины. Не актерский — человеческий. Требоательный к себе, настроенно-критический, бескомпромиссный.

Вдохнувшись в году Нина Короткова показала новую работу в спектакле по пьесе венгерского драматурга Михаила Адырфаша «Прощай и пойди». Это предельно расказа оставила характер самой Нины. Не актерский — человеческий. Требоательный к себе, настроенно-критический, бескомпромиссный.

тает слуха отчужденности и душевной скованности. Мало сказать, что Нина хорошо играет эту роль. Она просто, легко и естественно живет на сцене — в мире умябок и будней, житейских перипетий и сложных человеческих отношений. Естественная, задорительно молодая, будоражащая весь зрительный зал своей радостью, прекрасно справляющаяся с массой технических трудностей, будь то мимиком проделанной акробатический этюд, темпераментный танец, грациозно исполненные элементы гимнастики.

Актерские возможности Нины раскрываются здесь по-новому полно, оригинально. Представьте теперь, после большого успеха Корвиненко в этой роли и массы хвалебных рецензий, мое удивление, когда узнаю, что при обсуждении в театре пьесы «Пронись и пой!» Нина была единственной, кто проголосовал против постановки. Оказывается, в коллективе были предложены, что роль Карола поручат ей, а Нина поначалу увидела ее простым «продолжением Создания». Ведь и Карола — «стуское» энергия, жизневажестности, молодости. А что может быть опаснее двух похожих ролей в один сезон!

За то роли разных половос театральном репертуара ей дороги и несходными. С одинаковой требовательностью отработывает актриса и главную роль и «вставной» номер — выступление поэтессы Ольги (прообраз Ольга Берггольц) в спектакле «У времени в плену». Эта, казалось бы, небольшая актерская работа заслуживает того, чтобы рассказать о ней подробнее. Потому что за несколько минут присутствия на сцене Нина Корвиненко создает образ яркой, убедительной, запоминающийся.

Яркий слеп света вырывает из темноты тончайшую дивную фигуру. В спектакле-композиции, созданном Валентином Гауцком по произведению Всеволода Вишневского, сохранена главная тема его творчества — пафос народной борьбы за справедливость наших идей, за новый мир, добываемый в крови и страданиях, за будущее. Об этом и говорит со зрительном поэтессе Ольге, в образе которой Корвиненко удалось подчеркнуть романтическую устремленность, искренность и революционный гуманизм молодых борцов за общее счастье. Интонация глубокой человечности, точность и большое личное обаяние — вот грани этого образа, который по праву причисляется к ряду больших удач молодой актрисы.

Ну, а ближающиеся балны Нины? В них — роль «саевариз» из гоголевского «Ревизора» и образ одной из героинь спектакля, создаваемого сейчас в Театре сатиры по роману проповедником Николая Погодина.

В «Темпе-2и» — так будет называться этот спектакль-композиция — Нине Корвиненко предстоит сыграть Анку: образ миро-героический, жесткий, вневременный. По мысли режиссера, эта работа заставит актрису раскрыть новые штрихи ее актерского характера. По мнению самой актрисы, эта роль, явно не похожая на предыдущие, приближается по мелодике к заветному Комиссару...

В каждой работе Нины Корвиненко, бесспорно, остаются первичность, энергия, всплески эмоций, неподдельная молодость — не как отработанный, проверенный на зрителе прием, штамп, а как существенная часть натуры самой Нины Корвиненко, актрисы, которая придирчива к себе в каждой работе, потому что стремится найти свое решение образа, свой ключ к нему.

Актриса Московского театра сатиры Нина Корвиненко в роли Карола в спектакле «Пронись и пой!» (в роли Дюма — Борис Галкин).

встречу командира роты, стараясь ставить ноги на полную ступню.

— Товарищ капитан, разрешите доложить...

— Гуснев где?.. Где старшина? Погреб?

Ленька кивнул.

— А Докучин? Тоже?..

Кобликов повернулся и откинул край плащ-палатки. Епанешников увидел желтую кожу на лице сержанта, голые, прихваченные в морщинистую оборочку веки.

Епанешников ступил с головы фуражку. Ветер качнул над его лбом жиденькую прядь волос рыжего оттенка.

— Лыткин в кубрике... Большой он совсем... А товарищ старшину и Забалу егера убьют...

Ленька говорил вяло, не ощущая никакого страха. На него вдруг навалилось олушавшее равнодушие. Он сообразил, что ему, живому, оправдаться нечем.

— Лыткина немедленно в медсанбат... приказал капитан вестовому, с подбитой готовностью ставшему у складной.

— Товарищ капитан, разрешите доложить... Нет на Вороньем мису егера? — забормотал Ленька сказать своим знаком, сообщит странную правду, ради которой сержант Докучин, Остап Забара и старшина Гуснев приняли

смерть. Ради которой Кобликов ушел от облавы. — Не сосредоточивался он там... Мы думали, что егера много, а потом оказалось... Наверно я все по рации передавала... Готов нести ответственность...

Епанешников смотрел на Леньку непроницаемыми глазами, и белесые ресницы его приметно трепетали, словно ветер хлещал в лицо капитана невидимыми соринками.

Воротник пинжета больно тыкался Кобликову в расщербтую шею. Нерешливо спускал серый клочок выдранным шарманом. В кармане лежала лимонка. Ее округлая тяжесть ощущалась где-то ниже колена.

— «Нести ответственность...» — непонятно повторил Епанешников и прислушался к грохоту боя на другой стороне флора. Наврыл плащ палаткой лицо Докучина и, стужаясь, поднимая на причал.

— Кобликова ко мне в землянку! — приказал он вестовому. — Водки ему — и спати...

В землянке вестовой подал Леньке алюминиевую кружку водки. Сивушный запах влохо очиненного зелья душно ударил в нос. Водку Ленька не щел. Полажившись ему сто граммов отдавал ребятам из отделения. Сейчас он подумал, что многого еще не знает, не попробовал, но ра-

зобрался и вряд ли теперь будет время, чтобы все это изложить в рапорт. Он вынул из кармана. Затаяв дыхание, Ленька вынул противную, обжигающую горло жидкость. Поперхнулся, но вестовой, успев мигнуть кария глазами, сунул на закуску кусок хлеба, посыпанный солью.

В землянке раздался топот. Дромотный огонь потек по жилам и затуманил голову. Каменная стенка землянки покачнувшись, огонь стелющейся пологостройной плитки странно стал ульмать под потолок...

— Ну и здоров ты, Кобликов, дрыньтун! — сказала вестовой, продолжая тряссти Леньку за плечи. — Мы с товарищем заливной солдат в горло побойлал... а так пришел уже к менуку, так и не отпускаясь... Шеребаруемся же!

— Как перебаруемся?

— Да ты, эфрейтор, само обидно прошлая — засмеялся вестовой, достал пакли сигарет и цетку никелированную, с рещетчатым ободком зажигалкой. — Видал, какой трофей! Мы же вывали горон... Егера вшита нарезов по шоссе. Машинка вестовой, пушка, баркала всякого калаша по обем сторонам. Но всем правилам дапают, а за ним идотон тридцатьчетверный... Товарищ капитан зовут... Ну и видишь же у тебя! Ренька хотел подстрелить...

Вестовой попробовал загнуть Леньке под ремень вырванный клоч шнели, но это оказалось безуспешным.

— Ладно, сойдет — махнул он рукой.

Командир разведался сидел возле землянки. Пристрив на выступе камня зеркалаще, Епанешников намывала щеки. Воротник гимназистки у него был подвернут, поругана с кобурой пистолета лежала на земле. Капитан был без фуражки, и Ленька увидел ровный, расчесанный волосок к волоску пробор над ухом.

— А, Кобликов, авлялся, — ровным голосом сказал капитан. Вспомнив что Ленька не заметил всеядной строгости и отужденной замкнутости. Глаза командира роты, в гнине тяжело темнеющие, были сейчас мягкие, податливые глубины.

— Товарищ капитан, разрешите доложить... начал было Ленька, но Епанешников хлопнул ладонью по мамино, пригласил эфрейтора садиться рядом. Повернул и нему лицо в пыльной мильной пене на подбородке и ветером раскрасил бритую. Ваглянул в зеркалаще, примериваясь сделать первый шаг.

— Про ложные донесения опыт будешь докладывать?.. А мы нашим донесением не поверили. Уж больно много вам, Кобликов, егера доказательств подкидывали... Даже миное поле сочинили... Перестарались фрицки... Вообще, я их умнее считала. Черны, наверное, начали складывать... Три дня назад армейским разведкам норвежцы насчет катеров сообщили. Специально на ботике под парусом пришли сказать, что катера на Вороний мис ходят для отвода глаз... Потому в штабе решили: пусть егера считают, что мы их брехе верим.

Ленька удивленно, словно не понимая, погладел на капитана. Епанешников откинул на скледе кожу и провал бритой, спирра жесткого цетку, покрывающую под стальным лезвием. Костистый подбородок Епанешников выставил вперед и сленил в полосу обветренных, сухие губы.

Он, видно, угадал, что думает эфрейтор. Вытер лезвие о клочок газеты и скинул на Леньку темные глаза.

— Войдя, Кобликов... Много ты в ней еще измотришься. За этеричный день дивизия потеряла четверста сорок человек... За один только день... Крепецов погиб... Из штурмовой группы всего патеро уцелело...

Ленька безразлично слушал Епанешникова.

— Егера из лезвием фланге в контратку кинулось... — продолжал капитан. — Ваталию и самкатная рота... Три батерны было и шестистольные минометы. Только мы их уже подывали...

Понимаешь, почему мы на мису сидели?

Метрах в пятидесяти под скалой виделась свежая пирамидка камней.

— Докучин! — догадался Ленька.

— Сержант, — подтвердил Епанешников, перекрестив его взгляды. — Собираться, Кобликов... Через полчаса снимаемся, за фюрд будем перебариться.

Ленька прошел к меньшей пирамидке и причесал там на выступе скалы. Остро пахло застоявшейся прелью убитых ночными заморозками паропригиков и бурым торфом, растончатым солдатскими сапогами.

В пирамидке торчала обструганная палочка с надписью химическим карандашом, что здесь похоронен гвардии сержант Докучин П. А.

Рисунок **Олега ВУКОЛОВА**

Виктор АСТАФЬЕВ

Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

Вологодский умелец
Николай Николаевич КОЧИН.

ЧЕЛОВЕК ОБМАН ВЛИЛИ

СТРЕЛОЛИСТ

Война нагрянула и звану. Бои шли уже на чужой территории, и народ наш в высочайшем и тяжелом напряжении доводил свое дело до победы. Каждый человек, каждая пара рук были необходимы на производстве, работавшем безостановочно и героически для фронта, и потому Красноярскому госпиталю было предложено запастись топливом «своими силами».

«Силы» эти наскраблели в основном из команды вздоравливающихся. Раньше стали готовиться и ренсу в верховьях Енисея, где им надлежало залезть лес, пилить его и колоты. Вот тогда-то и объявился из госпитальной гущи небольшого роста, коренастый мужчок со светлыми пристальными глазами и бегучим вологодским говорком. Сморозисто и умело взялся он точить пилы и топоры, и видно было, что поднимал, разводит и всякий другой инструмент и руко, как говорится, этому мужичку, а похвастать, говорун он такой, что хоть на память записывай его байки.

Завле вологодского мужика Николая, фамилия его была Кочин, отчество, для которого он тогда еще не совсем сошел, — Николаевич. С таким-то раненным пеломочником Кочин сменил несколько госпиталей, в Красноярск перенес сложную операцию под местным наркозом и по сей день помнит, как «перепиливали его пополам». Помнит, как хирург предложил ему выпить спирта, а он, не пьющий отродясь, презирающая пьянство, поначалу отказывался, но потом согласился, потому что иначе было уже боль терпеть. Хранил спиртику, совсем он веселый сделался и шутил с сестрами и с хирургом насчет того, чтобы его и в самом деле наполювал не перепилили.

Он еще плохо ходил, еще и рана сочилась, однако настойчиво притирался к койке дровосеком, и врачам, немолодая уже, умевшая многое понимать, спросила, зачем же он так рвется в лес. Ведь там будет тяжелая работа. И дал ей ранбольной Кочин странник, озадачивающий ответ:

— Я очень по природе стокосовался. Пародок «Чернышевский», состоящий в основном из труб — у него их было три в ряд! — дыма на все-

Енисей, двигался вверх по течению семь верст в неделю, и только кусты мелькали... Пилцы парохода заплоско блились у тугой, круглиаую воду, качущуюся из свистящего чрева. По-осеннему желтая вода бурлилась у железного носа парохода, зазелестывала янорные ноздри, и ветрено плескалась белыми гниавки обрече бортов, сплывая за нормной илпящей полосой.

Сын тихой болотной стороны, дитя старинное, мудро притихшее на полонет холмах северной России, ранбольной Кочин глядел на рвущую реку, бьющуюся грудью о скалы, на воду, которая крутила, как веретенец, сорванные с бортов дрова, на скалы, вознесшиеся в тучах поднебесье, что в голове задернуло от прилива крови, когда задернуло ее, и тревожно было ему и в то же время внутри его возникли стихи, созданные этой природой: сознанием непокорности и мигущества мира живого наполнялось существо солдата, и было смешно ему оттого, что на этот собор был остановлен худой человечешка по имени Гитлер.

Десяти с лишним верст штурмовал реку старый пароход. Дров извел столько, что не хватило бы на всю зиму на одному госпиталю, и всю дорогу маячил на носу парохода белоголовый придурчатый мушкетер, и все смотрел, сматрел, и дшлал, дшлал, и еще раз, теперь уже спокойным сознанием человека, познавшего смерть, отметил, что жизнь есть счастье и выше этого счастья нет ничего и никогда не будет.

Когда выгрузилась госпитальная команда с парохода, ранбольной Кочин тут же в лес подался и на первой же сапке зашел, увидев несколько прекрасных цветы. Из рассказов солдат он знал, что в Сибири цветов много, что будто бы они воспитательны на вид, да оттого не имеют запаха.

Яванитая сибирская мошка, разлезающая самое нежное: глаза, ноздри, губы, уши, — мошка эта заведла замкиво ранбольного Кочина, а он стоял в замке, и в нем же, из дельте тампала пылыла, а по стеблю изморозно висла серебряный пушок, и в розетке лилась цветка круглились капли росы. Вокруг постреши другие дивные

НЕЗАБУДКА
БОЛОТНАЯ

КОЛОКОЛЬЧИКИ

ЛИЛИЯ

МЕДУНИЦА

МАЛЫЧК ИЗ КАРАБАХА

Мальчик был сильный, хвостой. Долго размышлял отец, как помочь сыну, чтобы избавиться его от недуга, чтобы сын стал сильным.

Думал, думал крестьянин, и вот что он придумал. Во дворе только что отелась корова. Отец поместил новорожденного теленка на крыше своего дома, и сын должен был каждый день утром и вечером перед дождкой по шаткой лестнице спускаться теленка с крыши и снова водворять его на место после дождя.

Теленок махонький, и сильный сын легко это делал. Но с каждым днем теленок прибавлял в весе, юноша как ни в чем не бывало спускался и поднимал его по лесенке. Теленок стал быком, а юноша по привычке без труда поднимал его.

Когда ваш сын не ест то, что ему дают, давайте ходить в школу пешком, расскажите ему эту притчу о мальчике из Карабаха.

ПРОВЕРКА

В загс приходят пожилые люди, муж и жена. Прожили вместе двадцать с лишним лет. Просит зарегистрировать их брак.

— Почему так поздно? — спрашивают их.

Муж объясняет:

— Я искал такую, которая бы мне понравилась... без регистрации. У нас пятеро детей. Самый старший, в этом году поступил в институт. Кажется, теперь мы проверили чувства друг друга...

ХИТРЫЙ ВОР

Амбарцум-дан, подбавивая осла палкой, приближается к своему саду и вдруг видит: кто-то в нем хозяйничает, срывает виноград.

— Кто там режет виноград? Эй!

Из сада послышалось:

— Амбарцум-дан, хозяин сада. Кто беспокоит его?

— Бо! — описал Амбарцум-дан. — Если ты Амбарцум-дан, кто же я?

— Кто ты меня спрашиваешь? Я тебя не крестил. Ступай лучше спрощи в село, кто ты.

Старик, поварушка осл, понасмался в село.

— Люди, кто я? — вопрошал он.

— Амбарцум-дан, — ответили ему немало удивленные односельчане.

— Если это я, то кто в моем саду режет виноград? — сказал старик.

ВЕРЕКА ХОРОША ДЛИННАЯ...

Веревка хороша длинная, а речь короткая. Не потому ли в старину ораторы заставляли становиться на одну ногу, только потом его слушали. Между прочим, это было мудрое решение. На одной ноге не разговоришься. Два Бог сказать о самом главном, наиболее важном.

Вот если бы наши литераторы работали над своими книгами стоя... на одной ноге. И не испытывали бы терпения читателей!

ДОБРОТА ЛЬВА

Кот лаяв в клетку бросил кошку. Но грозный царь зверей не съел его. Лаяв было тошнливо одному, и он подурчился с котом.

Мирнолюбиво, стараясь ни в чем не выдавать своей силы, он хватал зубами кошку за шерстку и переносил его из угла в угол. Даже от мяса, брошенного в клетку, лев кусок отделил когую.

Через день-другой кошку нашли в клетке мертвymi. Он кидок от львиной доброты.

Рисунки Олега ТЕСЛЕРА

КОГДА ГОВОРЯТ О ТВОИХ ДОСТОИНСТВАХ

Когда говорят о твоих достоинствах — тебя обидчивают. Когда говорят о твоих недостатках — тебя обогащают. Так гласит старая истина. Я благодарен своим недругам: они неуслышанно заботятся о том, чтобы сделать меня богатым.

Жюри обратится ко всем участникам с настоятельной просьбой ответить и решить присланные написанными четко, аккуратно, обязательно указывая необходимые варианты, но безбогая неуверенности, приславших пояснений. Не забывайте на конверте ставить пометку: «XIV шахматная олимпиада «Смена»». Пოსылать письма на третий тур следует не позднее 15 июня 1974 года.

ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

II

Белые — Крз3, Фз5, Сб3.
Черные — Крб3, ш. б7, с7, в7, г7, и7.

В первой задаче белым назначают и дают мат в два хода, во второй композиции — мат в три хода.

ЭТОД — ВСЕГДА КРАСИВО!

II

Белые — Крб3, Лс4, Лб5, ш. д5, е6.

Черные — Крб8, Ла2, Лб8, Сб8, Сс1, п. д6.

В первом этюде белым назначают и выигрывают, во второй композиции — делают ничью.

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

Белые — Крз3, Лг2, Лб3, Сс1, ш. а3, б2, с3, д4, г4, г4.

Черные — Крг7, Лб6, Лб8, Сс7, ш. а4, с4, д5, е6, ф5, и5.

В первой позиции очередь хода за белыми. Найдите, каким путем они форпачивают победу. Во второй позиции — ход черным. Попробуйте доказать, как должна закончиться борьба при наилучших действиях обеих сторон.

Для решения задачи или этюда присуждается три балла, за правильные решения задачи на шахматной практике — четыре балла.

СВЕРЬТЕ СВОИ ОТВЕТЫ

Решения заданий первого тура XIV олимпиады (см. № 2 «Смена»): задачи — 1. Крб6 Лс4 2. Сс5х; 1. Лб8-г7 Фс1 2. Фб6-г7 Л-б8 3. Ксб5; этюды — 1. Шх11 Сд4-2. Крз2 Сс1-7; ш. 1. Фд1 с3 2. Лд4-г4 3. Лг3-г4 Фс5 4. Лг2: из практики — 1-3; 2. Лг4 Сд4-3. Крз7 Сс8-4. Кр: е6-е5; 1. Л: в7 Кр7-2. С: б6-1 Кр: б3 3. К: с4-1 в белых выигрывают (ответы даны в сокращенном виде).

ТРЕТИЙ ТУР

(См. №№ 2 и 5 «Смена»)

КОМОД

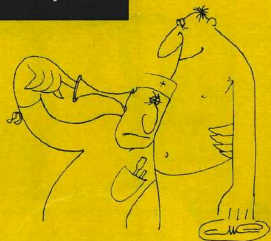

Рисунок Константина МОШКИНА

Рисунок Владимира ШЕРВАКА

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

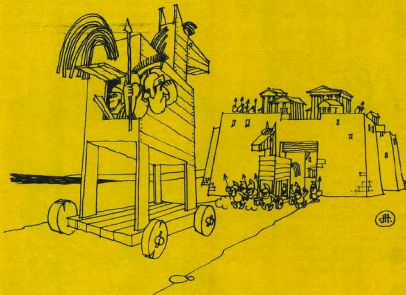
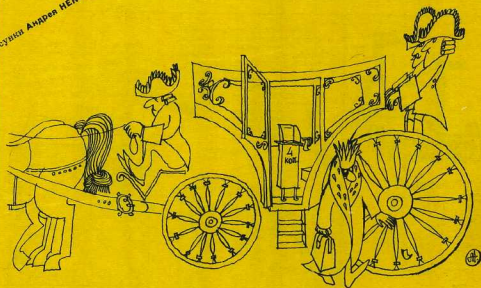
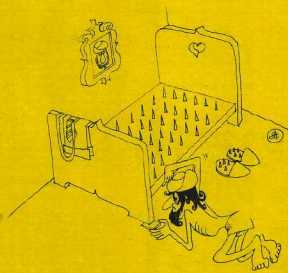

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Булажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Снято в набор 24/II 1971 г. А 00856. Подписано и печ. 19/III 1971 г. Формат бум. 70 × 108¹/₂.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 691. Заказ № 571.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЛАВНО, ШИРОКО.

ЛЕБЕДИ-БЕРЕЗЫ

Слова Вадима СЕМЕРИНА

Лебеди летели —
Глади их морозы.
Им вослед глядели
Белые березы.
Будто бы хотели
В небо к ним подняться,
Только не сумели,
Видимо, боясь.

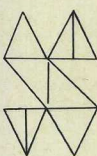
Может, для полета
Силы не хватает,
Может, нет охоты
Дом родной оставить.
К медленному клику
Выгнули шею.
Но вокан не кликнул,
А ему виднее.

Подожли морозы,
Замели метели,
Спит себе березы
В пуковой постели.
Иней сыплет синий,
Белый холод дует,
И у нас в России
Лебеди зябнут.

Музыка Азона ФАТТАХА

1.
Из данной фигуры составьте фразу из двух слов.

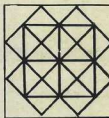

2.

В каждую клетку квадрата впишите данные числа — 27, 24, 13, 17, 23, 15, 11, 19, 25 так, чтобы сумма их по горизонтали, вертикали и диагонали была одинаковой. Такой квадрат называется магическим.

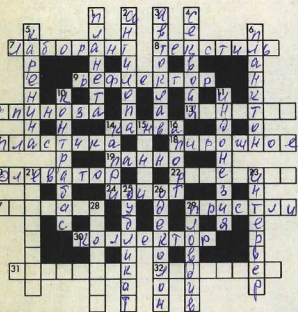
3.

Сколько треугольников и квадратов разной величины вмещает эта фигура?

КРОССВОРД

Составил Л. СИЗОВ, г. Череповец

По горизонтали:

- Сотрудник научного учреждения.
- Тяжи, прилипчивые изделия.
- Телепорт.
- Голландский философ XVII века.
- Травянистое растение, видонос.
- Счетная таблица для вычисления именованных именованных и местов.
- Концертное издание.
- Часть стены, украшенная живописью.
- Зернохранилище.
- Болгарский народный танец.
- Роман Ф. М. Достоевского.
- Типографский шрифт.
- Английский писатель, драматург.
- Учреждение, ведающее сбором и распределением денег.
- Город в Саратовской области.
- Нормовое бобовое растение.

По вертикали:

- Небесное тело.
- Движе парнокопытное животное.
- Аппарат для физиономических процессов под давлением.
- Гигантское хвойное дерево.
- Героиня романа Л. И. Толстого.
- Совокупность мелких организмов, обитающих в воде.
- Смычковый инструмент.
- Государство в Юго-Восточной Азии.
- Остров альпийс Неапол.
- Центр деловых дел во Франции.
- Сорт яблок.
- Город в Дагестане.
- Архитектурно оформленная внутренняя часть здания.
- Второй экземпляр документа.
- Парфюмерное средство.
- Деталь трубопровода.
- Город в Волгоград.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

- Обакно.
- Сестра.
- «Квартет».
- Шуберт.
- Раскат.
- «Анфема».
- Собачка.
- Сенция.
- Воск.
- Алюит.
- Блюг.
- Черепашка.
- Канфоль.
- Брут.
- Голово.
- Оназ.
- Варток.
- Тетина.
- Монько.
- 39.
- Райнгер.
- Негана.
- Артинпок.
- Расчет.
- Ашрафа.

По вертикали:

- Моршанск.
- Партизан.
- Либур.
- Отева.
- Трофиом.
- Страус.
- Тепель.
- Острота.
- Алранит.
- 17.
- Мингер.
- Реполов.
- 20.
- Бивер.
- 21.
- Ковар.
- 22.
- Тонко.
- 24.
- 27.
- Эволюция.
- 26.
- Ибуррури.
- 32.
- Паллади.
- 34.
- Райсин.
- 35.
- Комрат.
- 36.
- «Тронка».
- 37.
- Индия.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНИ» № 5

1.

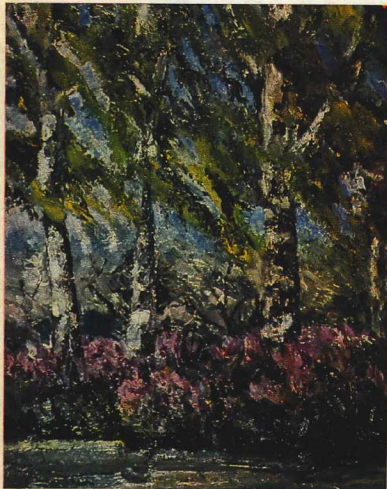
(22 - 2) × 2 = 40

2.

3.

3 и 7.

Говорят, нет на свете прекрасней природы средней полосы России — ее полей и дубов, пересеченных и речных долин, ее синих далей и высокого неба... Детство Леонида Гавриловича Монашова прошло на Орляшчине, в городе Ливны. С тех пор ощущение красоты родного края осталось в нем навсегда. Каждый человек, если он хоть чуть-чуть художник в душе, если он понимает прекрасное, стремится выразить это драгоценное чувство в образах — будь то литература, музыка, живопись. Монашова любил рисовать с детства лет, а когда ему исполнилось четырнадцать, он стал посещать изобразительную студию при школе, в которой

ХОЛОДНОЕ УТРО.

МОКРЫЙ СНЕГ.

БЕЛАЯ СИРЕНЬ.

учился. Это было в конце двадцатых годов. И на всю жизнь Монашов остался верен своему призванию. Нет, он не стал профессиональным художником, по-другому сложилась его судьба. Получив специальность агронома, Монашов отдал свои знания и опыт делу хозяйственного строительства страны.

Долгие годы — и в предвоенное время, и в огненную страду битвы с фашизмом, и в мирные дни, находясь на ответственной партийной работе, — Монашов не забывал о кисти и красках. Там же он и сейчас. Приходит свободная минута, и он отправляется на этюды — на встречу с природой. Это стало для него привычкой, счастливым правилом, которое помогает находить новые силы для основной работы. Это и отдых — творческий, душевный...

Любимая тема Монашова — русский пейзаж. Кроме того, он пишет портреты, натюрморты. И все-таки наиболее интересны в своем его работы, посвященные родной природе. Потому так дышит теплом его поля под Курском, там владими и васылы его деревья после юрютного летнего дождя, там прожитительна голубизна его неба в ранние весенние утро... Чисто есть в этих картинах близкое к русской народной песне.

Человек творческий, Монашов не замыкается в узком кругу ценителей живописи. Он участвует нескольких зональных и республиканских выставок. Его картина «Гренада» (по мотивам поэмы М. Светлова) экспонировалась в Манеже на выставке, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

В домашнем кабинете Леонида Гавриловича Монашова рядом с книжными стеллажами стоит мольберт с холстом, на который уже леги первые мази новой картины. Художник подходит и подрамнику. «Вот ишу... — задумчиво говорит он. — Попа не получается, что задумал. А времени мало, зато». И он смущенно улыбается. Я понимаю его. Таким людей, строгим и требовательным к себе и своему делу, всегда трудно, но разве не поиски рождают вдохновение, а вдохновение — образ.

Кирилл ЗАМОШКИН